

Аким

Тарази

МОСКВА – БАЛА-САЗ

Роман

*Когда же мы наконец перестанем
принимать силу – за правду и чару – за святость!*

Марина Цветаева

Эта кровавая история началась первого июля и закончилась первого февраля следующего года. Если она... – будем всё же надеяться – вообще закончилась.

Абр-Али был абсолютно уверен: всё уже налажено, в восемь часов утра к его домику подъедет Булек-бай, его преданнейший друг, на своём новеньком «жигулёнке». Он никогда не подведёт.

Булек-бай по своей привычке даст три коротких сигнала, что на их «совместном языке» означает: «Я – здесь, ага! Я – готов, ага!» У Булек-бая такая натура: ко всем знакомым и... незнакомым (!), даже... к своим ученикам (!) – он всегда обращается не иначе как – а г а, что означает – «мой старший брат».

Вот такой вот он, его единственный друг, как договорились, ровно в восемь часов утра (!)... – что так редко встречается у аульных жителей – подъехал и ждёт... «Пусть Булек-бай немножко подождёт. Пусть Булек-бай поймёт, с кем он имеет дело! А имеет он дело без пяти минут директором (!) Бала-Сазской средней школы! Это тебе не халам-балам! Это – престиж! Так что...»

«Так что... уважаемый... очень-очень уважаемый товарищ директор Абр-Али Кара-Аспанов, и ты привыкай к своей новой высокой должности! А ну-ка, посмотри-ка на себя!»

Единственное богатство в его двухкомнатной съёмной квартире было высокое, во весь рост, зеркало. А ростом его, Абр-Али, Создатель не обидел...

Оттуда, из зазеркалья, на него высокомерно смотрел стройный, с голубыми глазами рыжеволосый, лет двадцати трёх-двадцати четырёх джигит в новом иссиня-чёрном шерстяном костюме. Красный галстук как-то особо оттенял тщательно отглаженную белую рубашку.

Странно: только теперь он поймал себя на том, что ОН (!)... без пяти минут директор (!)... а директор – это, как известно, номенклатурный работник областного масштаба (!), царь и бог в своём владении! – он, этот бог и царь в своем владении, сейчас заметно взволнован и... бледен.

Он ещё раз посмотрел на себя в зеркало: теперь вдруг оттуда, из зазеркалья, на него уставились... глаза жены Азы. Понял – она вошла бесшумно.

Он обернулся и сразу заметил: его всегда улыбчивая жена Аза кем-то или чем-то обижена. И, видимо, её унылое состояние передалось и детям. Они тоже были хмурыми.

А Аза, его Аза... чуть не плакала.

– Надеюсь, всё в порядке? – спросил он, ещё находясь в окрылённом состоянии. – Ты что-то вернулась слишком быстро...

– А как же иначе, если твою жену не приняли на работу ни в садик, ни в ясли!..

– Как это так? – приподняв, как говорят казахи, «крылатые» брови, спросил Абр-Али. – Как. Это. Так?!

– А просто так! – ответила Аза. – Сказали: «Нет у вас педагогического образования!»

– Даже тебе (!), моей любимой жене (!), не нашли хотя бы одно вакантное место? – почему-то улыбаясь, спросил Абр-Али. – Надо же! – с какой-то двусмысленной ухмылкой продолжал муж, но потом уверенно и твёрдо заявил: – Успокойся. Я вернусь после обеда. Или – к вечеру. А этим щепетильным вопросом займусь завтра. Да так, между прочим, «займусь»... да так «займусь», что все жители этого аула запомнят навсегда, чего стоит отказ моей очень-очень любимой жене! Понятно?

Абр-Али, видимо, в этот момент так гневно посмотрел на жену, что та испугалась и побледнела.

Одержав «первую победу», Абр-Али решительно вышел из своей тесной съёмной квартиры. А на улице...

* * *

А на улице... его никто не ждал (!)... Абр-Али не поверил своим глазам. Но это шоковое состояние длилось какие-то доли секунды. Зато за эти доли секунды он почувствовал, что «там», в глубинах его мозгов произошёл непонятный мгновенный взрыв. Или – вспышка. Вспышка гнева. Но он тут же взял себя в руки. Несколько раз прошёлся по маршруту «туда и обратно», умоляя Создателя, чтобы из окон его, Абр-Али ждущего, не увидели Аза и дети.

Минут через пять-шесть в южном конце улицы сначала поднялась вихрящаяся густая пыль, потом показались знаменитые на весь район новенькие голубенькие «жигули» Булек-бая.

Когда примчавшиеся «жигули» резко тормознут, когда из «жигулей» выскочит Булек-бай, когда из густых вихрей густой пыли покажутся узкие, улыбающиеся глаза владельца диковинного в этих краях номенклатурного средства передвижения... Абр-Али, машинально отпрыгнув от густой пыли в сторонку, добродушно улыбнётся своему единственному преданному другу и скажет:

– Ты что так?

Преданный друг тоже пулей вылетит из машины и с готовностью купленного раба, сильно нагнувшись, откроет дверцу «жигулей».

– Садись, друг мой!

* * *

Ехать было далековато. Тридцать пять километров. Все зигзаги, все обочины, все спуски и подъёмы были известны не только владельцу «диковинки», но и «пассажиру» Абр-Али. Он был уверен, что они с «водителем» вдвоём в неторопливой и приятной беседе доедут до райцентра быстро и благополучно. Но... когда его преданный друг неожиданно поехал в сторону, откуда только что приехал, Абр-Али слегка занедоумевал: «Почему он... обратно? Туда, где школа?»

Когда они приехали к школе, у высоких ворот стояли и ждали ещё двое «пассажиров» – Удер-бай и Кудер-бай. Увидев их, Абр-Али невольно улыбнулся. «Надо же! Неразлучные друзья называются!» Удер-бай – шупленький, Кудер-бай – жирный кабан. Даже ученики за глаза их дразнят, одного обзывают Жлан-Коз, что значит Змеиные Глаза, а другого – Жирным Кабаном.

Улыбнуться-то улыбнулся, но когда «жигули» остановились, то Абр-Али, как истинный казах, ретиво выскочив из машины, низко поклонившись, поздоровался с Жирным Кабаном и Змеиными Глазами. Даже по очереди обнялся (!) с обоими. Даже... даже... осведомился о здоровье многочисленных детей и внучат их, назвав детей и внучат поимённо (!). «Что поделаешь, я – казах!» – оправдывался он потом сам перед собою.

И Абр-Али усадил Жирного Кабана на почётное место, рядом с владельцем редчайших в этих краях «жигулей»¹, а шупленькие Змеиные Глаза – рядом с собой?²

И... они поехали.

* * *

И... они поехали.

А дороги... как везде по необъятному Союзу... когда-то... б ы в ш и е бетонированными, когда-то б ы в ш и е асфальтированными, когда-то б ы в ш и е грунтовыми, а теперь были просто изъезженные, а теперь были просто перекопанные, а теперь были просто заболоченные...

И такая вот, с позволения сказать, дорога, длиной всего-навсего в тридцать пять километров, «съела» у пассажиров новеньких «жигулей» ц е л ы х три часа времени.

А в первые полчаса в тесном салоне «жигулей» было весело и шумно: шутки, прибаутки, просто вопросы, просто ответы, просто реплики.

А потом... из-за этих проклятых резких толчков стало не до шуток, не до веселья... все четверо, как будто сговорившись, просто замолчали.

А потом... Абр-Али незаметно для себя нырнул в приятные воспоминания...

...Как раз, три дня тому назад, он, Абр-Али, был приглашён в районный Отдел народного образования. А точнее, прямо к товарищу Билял-беку Хай-Муллину. А

¹ Действие этого малообъёмного романа происходит в эпоху правления в СССР К.У.Черненко, когда «жигули» в аулах ещё были в диковинку. А. Т.

² В казахских аулах сидение рядом с шофёром оценивается как почётное. А. Т.

он, Хай-Муллин, шупленький такой, восковой такой... прямо взял быка за рога. Он таким тоненьким голоском сказал:

– Ну что же, молодой человек, не скрою от тебя, сверху... ты сам понимаешь, что значит «сверху»... поступило предложение, прямо скажу, для меня неожиданное, но... всё же – приятное и для меня (!), и для тебя... предложение – назначить тебя директором Бала-Сазской средней школы...

Абр-Али знал, что его отец, Хан-Али, Председатель Исполнительного Комитета Совета народных депутатов Аса-Талского района Аса-Талской области, позвонил Председателю Исполнительного Комитета Совета народных депутатов Хоргосского района Тарбагатайской области и сказал «н е с к о л ь к о т ё п л ы х с л о в»... о своём с т р о п т и в о м сыне, то есть об Абр-Али, который, движимый чисто романтическим порывом, уехал в другую область, чтобы доказать родителям, что он не мальчишка какой-нибудь, а – джигит самостоятельный (!).

– Кто же, вы думаете, этот строптивый молодой человек? – спросил этот восковой человек, и сам же, неожиданно так улыбнувшись, ответил: – Этот строптивый молодой человек сидит передо мною – это вы, Абр-Али!

У Абр-Али, как говорится, чуть не отвалилась челюсть.

Его отец, видимо, намекнул «хозяину» этого района на «что-то». А хозяин этого района, видимо, позвонил этому восковому человеку. «А этот восковой человек теперь очень вежливо сообщает мне о своём «решении» назначить его, Абр-Али, директором Бала-Сазской средней школы. Видимо, так».

Ну что же, теперь вот «этому» строптивому Абр-Али придётся взять в свои руки судьбу «целой» средней школы.

«Что же, придётся навалить на себя судьбу «целой» средней школы. Это как раз хорошо, это как раз откроет мне дорогу... – т у д а (!)».

Абр-Али «сладко так» улыбался.

* * *

А потом...

А потом вдруг Булек-бай резко затормозил машину, да так резко, что Жирный Кабан – Кудер-бай упал на колени шупленького Удер-бая, как полная некоей жидкостью деревянная бочка...

– Ты что?! – успел возмутиться Удер-бай - Змеиные Глаза и... зло оттолкнул «бочку» от себя.

Когда густая пыль, преследовавшая «жигули» на всём протяжении долгого пути, мгновенно обогнала машину и через какое-то мгновение дорога прояснилась, все пассажиры мгновенно увидели через оконное стекло... огромного гаишника (!) в форме пограничника, со свистком у рта и указательным жезлом на правой руке!

– Всё! Мы пропали! – сокрушённо, трагическим голосом произнёс обычно улыбчивый владелец «жигулей». – Теперь он достанет нас!

Абр-Али знал, что в этой узкой глубокой лощине живёт бывший пограничник Рауз, который выдает себя за полковника, хотя ему никто не верит и за глаза все кому не лень смеются, а при встрече все, низко поклонившись, отдают ему честь по-военному.

– Теперь он нас достанет! – буркнул еще раз Булек-бай и... вышел из машины.

И действительно он, этот сумасбродный великан в форме полковника погранвойск, продержал их в своей глубокой ложине более двух часов. Бедный Булек-бай что-то горячо доказывал, частенько показывая в сторону Абр-Али. В конце концов у Абр-Али, который, как подобает аристократу, сидел и сохранял нейтралитет, тоже лопнуло терпение. Он наконец-то не на шутку рассердился и, в буйном гневе выйдя из машины, резко открыв и резко, с размаху, кинув дверцу «жигулей», подошёл к самозванцу-ревизору. Первое, что заметил Абр-Али, это... кинжально-острые, с серо-голубым огоньком... дикие волчьи глаза «полковника». Абр-Али вдруг, на сотую долю секунды, вздрогнул. Но в следующую сотую долю секунды Абр-Али тоже «усёк», что ТОТ тоже, на сотую долю секунды, заколебался. Заколебался при виде его, Абр-Али.

В следующие несколько секунд они, эти двое крепких мужчин, глядели друг на друга, как бойцовские породистые кобели перед схваткой.

Тут, в этот роковой миг, случилось нечто непонятное: «Свирепый гаишник» вздрогнул всем телом – этот миг успел уловить сверхчувствительный Абр-Али - и... по-военному отдал ему, Абр-Али, честь:

– Служу Советскому Союзу!

И... всё! Путь был открыт.

* * *

Но в то самое время ж и з н е н ы й путь Абр-Али был н а г л у х о закрыт. Но Абр-Али об этом ещё не знал.

А Абр-Али чувствовал себя виноватым перед тем ответственным лицом Хай-Муллином, который наверняка ждёт не дожждётся его, молодого, растущего (!) партийного кадра в лице Абр-Али. «Ах, откуда выскочил этот проклятый бывший пограничник?! Надо же! Неудобно, неудобно перед товарищем Хай-Муллином... Он, конечно же, ждёт не дожждётся меня».

А в это самое время Хай-Муллин сидел в приёмной... только сегодня у т р о м назначенного нового (!) первого секретаря Хоргосского районного Комитета Компартии Казахстана.

Хай-Муллин сидел в приёмной и ждал. А в жизни нет ничего мучительнее, чем ждать. А сидеть и ждать в приёмной большого начальника, тем более - незнакомого начальника, это – настоящее мучение. «Нет, не настоящее, а – адское мучение!» – заключил многоопытный номенклатурный кадр Хай-Муллин...

Как известно, «кадры решают – всё!»

* * *

Когда переполненные «жигули» остановились перед трёхэтажным зданием районной администрации, золотые ручные часы Абр-Али показывали тринадцать часов пополудни.

– Надо же! – заметно занервничал обычно спокойный Абр-Али. – Обеденный перерыв.

– Ну что же, мы тоже пообедаем, - сказал добряк Булек-бай. – Я угощаю вас! Пошли все в ресторан. Тут недалеко.

Когда, как говорится, всей гурьбой направились в сторону ресторана, Удер-бай – Змеиные Глаза вдруг начал копать в карманах своих брюк, как будто что-то ищет, и писклявым голосом сокрушённо воскликнул:

– Я потерял, видимо, список книг казахских писателей, которые обещал купить старшей дочери в книжном магазине райцентра. Вы же все знаете, какая она у меня... председатель совета книголюбов нашей школы.

И, не ожидая ответа попутчиков, куда-то резво побежал.

– Куда он? – одновременно спросили друг у друга Кудер-бай – Жирный Кабан и Булек-бай.

Их взаимные вопросы повисли в воздухе.

У Абр-Али не было охоты хотя бы в шутливой форме отреагировать на их законное возмущение «предательством» попутчика. По человеческим понятиям, раз они вчетвером выехали из аула в одной машине, тем более, если дорога, вопреки их ожиданиям, оказалась долгой, с приключениями, то они всё же о б я з а н ы были, уходя, объяснить другим своё намерение, и тогда бы они, попутчики, пожелали уходящему доброго пути. Так принято.

У Абр-Али возникли подозрения. Абр-Али почувствовал в торопливом, вороватом уходе Удер-бая – Змеиных Глаз что-то недоброе, что-то мерзкое.

«Ты слишком чувствителен, Абр-Али! – успел он упрекнуть самого себя. – Чувствительность, конечно, – хорошо, а подозрительность – всё же гадко!»

* * *

Когда они сидели в ресторане, только что осуждавший беглеца Удер-бая – Змеиные Глаза, сам Абр-Али незаметно для себя тоже, без объяснения причины своего поступка, встал из-за стола и... пошёл. Пошёл как будто в туалет, но сам в – РайОНО. Он, видимо, подсознательно хотел разоблачить «предателя» – Змеиные Глаза.

Но там Змеиных Глаз не оказалось.

Там не оказалось не только Змеиных Глаз, но и самого Хай-Муллина (!). Абр-Али, того не осознавая, видимо, грубо спросил у секретаря-машинистки:

– Где Хай-Муллин?

Но разве уважающая себя секретарша простит какому-то там посетителю... такое панибратское обращение к своему высокому хозяину? Нет, конечно, не простит! Она тоже грубовато, вернее, со злобой ответила:

– Нет его! Они с товарищем Удер-баем только что уехали на «волге» (!).

Абр-Али, оскорблённый таким грубым ответом, сам не понимая, что делает, присел на одну из скамеек и... застыл. Но не просто застыл, а, можно сказать, опешил. «Как это так? – всё повторял и повторял он, всё так же, как прежде, растерянно глядя на секретаря-машинистку. – Как это так?»

Ему вспомнился тот случай невезения, когда полоумный Рауз на целых два часа задержал их машину по дороге в районный центр. «Может быть, надо было сразу вернуться в аул? Всё же подозрительная п р и м е т а была!»

Но потом Абр-Али саркастично усмехнулся, абсолютно забыв, что он сидит в приёмной комнате высокого начальника.

* * *

В этот июльский жаркий день Удер-бай, Змеиные Глаза, с приказом в кармане о своём назначении директором Бала-Сазской средней школы, тайком, на других средствах передвижения, в полночь вернулся в аул.

* * *

Настоящее, от рождения, имя пограничника Рауза – Асыл-бек. Он родом из этого аула Бала-Саз. Но однажды весной 1929 года, когда началась так называемая конфискация имущества крупнейших степных вельмож-богачей, отец Рауза - Сары-бай со своей тысячей (!) породистых лошадей и пятью тысячами (!) жирных овец подался в сопредельное государство. Из всего многочисленного рода Сары-бая один только двенадцатилетний мальчуган Асыл-бек отказался податься за рубеж, потому что он был членом Всесоюзной пионерской организации имени Володи Ульянова. Он был не только членом организации, а был вожаком отряда и носил на груди красную звёздочку с маленьким портретом десятилетнего кудрявого мальчика-вождя.

Асыл-бек не просто отказался, а бежал. Бежал на своём любимом двухгодовалом, известном в кочевых аулах скакуне Жель-Канате, что значит – Воздушные Крылья.

Асыл-бек, ретивый мальчик, не просто бежал, а... на своём «крылатом» двухгодовалом Жель-Канате доскакал до высоких железных ворот пограничной заставы Хоргос.

Асыл-бек три месяца «работал» разнорабочим, потом – шесть месяцев – связистом, потом он очень понравился начальнику пограничной заставы Хоргос Андрею Андреевичу Васильеву и его бездетной жене Авдотье Соломоновне... и... они через год его усыновили официально, дав ему новое имя Андрей. Андрей Андреевич Васильев. А через четыре года Васильев пошёл на повышение, его отозвали в... Москву (!).

Там, в Москве, молодой Васильев окончил Высшее училище пограничных войск. Там же... его карьера сложилась на зависть... всяким там... недотепам.

* * *

Асыл-бек в свой родной аул Бала-Саз вернулся, и вправду, полковником пограничных войск. Какая-то таинственная сила всё же потянула его к подножиям Тарбагатайских гор, красивейших гор с тремя белоснежными пирамидами, в которые в детские годы он, сирота, каждое утро в п и в а л с я жадными глазами соскучившегося по груди своей матери младенца.

«Младенец» же тот на самом деле приехал к своим родственникам с несколькими чемоданами подарков. Но, к своему огорчению, никого из близких родственников он не нашел. У многих, как говорят казахи, «закончились земные ресурсы, отпущенные сверху», – то есть ушли они в мир иной. А многие просто пошли по проторённому пути: кто-то женился, кто-то подался на заработки, кого-то призвали в армию, кто-то выехал на учёбу, а кто-то просто угодил в тюрьму! Так что Асыл-бека ждало беспощадное разочарование. Неопишемую радость он испытывал, когда смотрел на великие Тарбагатайские горы, красивейшие горы с тремя белоснежными пирамидами. Так что Асыл-бек, хоть и был потрясён, теперь был р а з о ч а р о в а н. Но всё же решил – остаться, остаться именно з д е с ь, в этом ауле!

Но...

первые полгода он жил в заброшенной хибарке покойного троюродного брата, естественно, хорошенько отремонтировав её. Но однажды в буранный день, как неожиданная свирепая вьюга, в дверь без стука вкатилась пьяная рожа

Рожа эта оказалась его, Асыл-бека, троюродным братаном. Асыл-бек же, измененный человеческим одиночеством, и такой «находке» был очень рад. А как же иначе? Самая страшная пытка для человеческой души – это пустота вокруг. Безмолвие.

Но...

фантазмагорическое появление троюродного брата не принесло Асыл-беку душевного успокоения, наоборот, пьяную рожу новоявленного родственника ещё «дополнили» не менее оригинальные физиономии трех испитых алкашей – не совсем далёких сородичей.

Привыкнув к новой комфортной обстановке, «не совсем далёкие сородичи» начали качать тоже (!) свои права! Ты, мол, больше уделяешь внимания той «роже», чем нам!

Но, когда эти новоявленные родственнички, каждый божий день вдоволь нажравшись дешёвого суррогата, начинали выяснять отношения между собою и затевали драку, Асыл-бек бежал!..

Бежал он всё же недалеко.

* * *

В километрах пяти-шести от аула Бала-Саз проходил глубокий, изрытый буйными весенними потоками безымянной речки овраг – глубокий разлом, Уру-Ауз, что можно было бы перевести на русский язык как Логово разбойников-барымтачей. Как ветеран пограничных войск Асыл-бек хорошо знал все потайные дороги этого края, вплоть до следов горных козлов на водопой и обратно в горы.

Там, в Логове разбойников сохранились три заброшенные пограничниками хозяйственные постройки из красного кирпича, служившие когда-то заставе складами. Асыл-бек бежал от родственничков именно в этот «аул» из трех строений. К весне эти три постройки из красного кирпича невозможно было уже, как ни странно, узнать. Эти дома, побеленные, с покрашенными оконными рамами, ухоженные, как говорят казахи, «притягивали к себе очи» путников. И жители аула все как один, будто сговорились, стали называть это новоявленное поселение Казённым городком – Казна-Кала.

* * *

Переселившись в Казна-Кала, Асыл-бек тоже приобрёл новое имя – Рауз, сокращённое от: житель казённых домов Уру-Ауз.

Рауз же по-прежнему продолжал преподавать физкультуру в местной школе.

Каждый день он просыпался ровно в пять часов утра, выпивал кружку родниковой воды.

Слава Аллаху (!) – родник с холодной, как лед, водой вытекал из-под камней прямо в безымянной лощине недалеко от «его» дома.

Потом Рауз строевым шагом (!), как полагается военному офицеру, направлялся в аул. Пять километров для него были «ерундой», хотя жители аула, бывшие кочевники, снисходительно презирали всяких там пешеходов (!).

Самое странное, этого, на первый взгляд, строгого, мрачного, огромного человека полюбили все без исключения ученики всех классов.

Но ему почему-то не нравилась эта «всеобщая» любовь учеников. Он почему-то терялся, когда ловил на себе явно выраженные искорки преданности и уважения в чужих глазах. Терялся и, нахмутив брови, отворачивался.

* * *

Рауз в последние дни каким-то образом начал чувствовать, что в его размеренное, спокойное существование НЕКТО неизвестный намеревается нахально вторгнуться. Видимо, как следствие такого неясного, «подвешенного» состояния, сегодня под утро Рауз очень ясно увидел, как в высокое окно его просторной комнаты НЕКТО неизвестный пытался заглянуть! И... этому НЕКТО потом удалось проникнуть, как воздух, в просторную комнату... и, превратившись в чёрный шерстяной (!) пиджак (!), удалось повиснуть в... воздухе (!) на уровне высоких окон. «Надо же! – подумал он, спящий (!) Рауз, – кто это осмелился (!) проникнуть ко МНЕ?!»

Рауз, этот спящий Рауз, попытался встать. Но не получилось. Тогда он, спящий Рауз, попытался поднять голову. Не получилось.

Тогда он, спящий Рауз, с большими усилиями открыл один, левый глаз... и... заметил (!), что... чёрный пиджак... уже украсился белой рубашкой и красным галстуком (!).

И... самое невероятное было в том, что... этот чёрный пиджак и белая-белая рубашка с красным галстуком... висели в воздухе. В воздухе!

Теперь э т о т, ещё спящий Рауз, ясно видит т о г о, безуспешно пытающегося поднять голову, д р у г о г о Рауза и очень-очень злится. Но другой Рауз не может ни в чём помочь... э т о м у, спящему Раузу. «Почему я стал таким безвольным?» – спросил он самого себя. Ответа, к сожалению, не последовало.

* * *

Рауз знал, что школьники любят его, по крайней мере, уважают. А иногда даже боятся. Но это обстоятельство его сильно коробило. Он, как человек отчаянный в критические моменты, особенно когда кто-нибудь нуждается в его помощи, он, этот отчаянный боец, готовый на всё, когда дело касалось лично его самого, робел, чувствовал себя не в своей тарелке. «Что же это такое? Я стал стыдливым, как некая молодая невеста?» Именно по этой причине он, Рауз, сейчас, в данный момент подумал: «Не отказаться ли мне вообще от воспитательной работы физрука в школе?»

Но...

но в этот же миг, когда Рауз так мирно размышлял... он вдруг всем своим мощным телом вздрогнул (!). «Что со мною? – удивился он. – Такое со мною никогда не бывало!»

Это, оказалось, было только началом не присущих ему странных глупостей.

Начало. Только начало.

А потом...

а потом он, не понимая, почему, выбежал из дома во двор. И он там, во дворе увидел: к его «автономному владению», Казна-Кале, приближался сам (!) Абр-Али: чёрный костюм, белая рубашка, красный галстук.

А Рауз ещё раз вздрогнул всем своим мощным телом: «Что со мною?»

Абр-Али приближался к нему, всё приближался, шагая ровным, уверенным, строевым шагом: чёрный костюм, белая рубашка, красный галстук.

В первый раз за всю сознательную жизнь Рауз в страхе воскликнул: «О Аллах! Создатель мой, спаси меня!» Тут же короткой вспышкой ранней весенней молнии он успел спросить себя: «Кого же я боюсь?»

Но было уже поздно: он, Рауз, не помня, когда успел, стоял перед Абр-Али по команде «смирно!» и, как стрела, только что вонзившаяся во что-то твёрдое, слегка так дрожал! «Что же с тобой, Рауз?!»

Рауз сам не заметил, как его ладонь правой руки чётко нашла висок чуть выше правого уха, и из его горла вырвалось приветствие, по-военному:

– Здравия желаю, товарищ командир!

* * *

Абр-Али тоже не ожидал такого поворота в своих отношениях с Раузом. Он тоже был слегка растерян такой неожиданно помпезной встречей. Он, Абр-Али, естественно, ещё не знал, почему при встрече с ним Рауз, такой – грозного вида – мужчина, к тому же – полковник (!), начал в последнее время вести себя как-то странно. Почему? Рауз при встрече с ним не только теряется, а... бледнеет, и в его больших ясных глазах появляется отчаянный испуг, заячий страх? Почему? Но...

но это не всегда – Т А К.

Бывают дни, когда Рауз смотрит на Абр-Али – пренебрежительно, свысока, даже, можно сказать, вызывающе! Как будто перед ним – одно пустое место!!! ПОЧЕМУ?

И... тогда, у Абр-Али возник странный вопрос: «Не таится ли н е к и й с е к р е т этой, странной аномалии – в... моём (!)... ч ё р н о м к о с т ю м е?»

Сегодня его эксперимент сработал. «Но надо ещё раз проверить...» – решил он и резко скомандовал:

– Полковник Васильев, строевым шагом ко мне!

И... рядовой Абр-Али чуть не упал от такой неожиданности: реальный полковник (только в запасе...) чеканным шагом прошагал к нему и звучным басом пробубнил:

– Слушаю вас, товарищ генерал!

Так Абр-Али окончательно понял, к а к а я с т р а ш н а я сила сосредоточена в нем (!).

Но... чтобы окончательно убедиться, Абр-Али ещё два дня проводил свой эксперимент. На следующий день «окончательного открытия» он явился в Казна-Кала в джинсах и безрукавке и был «принят» полковником в отставке безразлично, даже... грубовато. А на следующий день – в чёрном костюме, белой рубашке и при красном галстуке... Эффект был просто сказочным. Как говорится: «Хоть стой, хоть – падай!»

* * *

Окончательно убедившись в своей тайной власти над Раузом, человеком с психическими отклонениями, как решил Абр-Али, он, Абр-Али, решился на явно опасный эксперимент.

Детально обдумав свой следующий шаг, он, Абр-Али, теперь уже владелец с т р а ш н о й т а й н о й с и л ы, в «полной форме» направился в Казна-Кала.

* * *

Был воскресный день. Рауз в удобной летней форме – безрукавка и джинсовые шорты – работал в «своей» просторной мастерской – бывшей столовой пограничной заставы, работал, как всегда, самозабвенно, забыв о существовании иного, за пределами вот этой его мастерской, чужого мира. Работал, по своей привычке мурлыча под нос народную русскую песню «Эх, яблочко!».

Вот уже два года, как Рауз аккуратно вырезал и собирал засохшие окаменевшие стволы крепких, как камень, тарбагатайских сосен.

Собирал, доводил до кондиции, а потом увлеченно работал, в основном на станке и со всякими там инструментами.

И через два-три дня «рождался» такой живой, такой смешной человек. Этот человек...

улыбался (!),

хмурился (!),

гневался (!),

радовался (!),

танцевал (!),

бежал (!),

падал (!),

принимал позу боксёра (!),

убегал от кого-то (!),

догонял кого-то (!),

даже показывал кому-то язык (!)!

Вот таким мастером был Рауз!

Вот так вот «кайфовал» Рауз, когда заметил, что в окно мастерской пристально смотрит Абр-Али.

«О Создатель! Спаси меня!» – успел воскликнуть в душе Рауз.

* * *

Абр-Али уже знал, к а к а я с т р а ш н а я с и л а сосредоточена в нем, и поэтому он не стал первым подавать руку. Хотя он, как младший, низко поклонившись, первым д о л ж е н был протянуть свои ладони старшему брату. А вместо этого он, Абр-Али, терпеливо ждал, когда же Рауз сам, низко поклонившись, подойдёт к нему, к Абр-Али, с протянутыми руками (!). «Пусть э т о т, никому не нужный пенсионер знает свое место! Пусть этот, никому не нужный пенсионер знает, с кем имеет дело!»

Рауз же, видимо, осознал, каково его положение в людской иерархии, низко поклонившись, с протянутыми руками приветствовал появление (!) такого высокого гостя.

Абр-Али же, «получив» все почести, которых он, безусловно, достоин, удовлетворённо заулыбался:

– Ну, к чему такие почести?! Я явился (всё же: «явился!»), а не «пришёл») сюда, чтобы посоветоваться с тобой (!) по одному важному делу.

Пауза же покорило слово «посоветоваться»: «Кто же я такой, чтобы давать советы по некоему... важному делу...» И, не найдя достойную оценку «такой высокой личности», как Абр-Али, как говорят казахи, – «проглотил» концовку этого предложения...

Абр-Али же, почувствовав свою окончательную власть над этим странным человеком, прямо, с ходу, скомандовал:

– Ну, что же, как тебя там?... Пауз, есть у меня одно дело... к тебе. Ну, что ты стоишь, как истукан? Пригласи меня к себе домой! Как говорят русские: «Нет правды в ногах!» Не так ли?

* * *

Потом, в относительно размеренной, мирной жизни средней школы аула Бала-Саз начали происходить какие-то странные события.

Ровно через две недели после того, как Абр-Али и Пауз «побалакали» долго и «конструктивно», новоназначенный директор средней школы аула Бала-Саз Удер-бай - Змеиные Глаза поздним вечером напросился сам (!) в дом Абр-Али.

Абр-Али с семьёй собирались ложиться спать. А тут, в такой поздний час, бац (!), появляется гость! Абр-Али, как истинный казах, естественно, ретиво соскочил с места, то есть с кошмы, застеленной на полу, где они с женой сидели, ожидая, пока дети глубоко (!) уснут. Чтобы...

Ретиво соскочив с пола, Абр-Али в первые минуты засомневался: «Кто это? Неужели это тот, уважаемый Удер-бай ага, назначенный всего месяц тому назад директором средней школы аула Бала-Саз?» Он, Удер-бай ага, толком ещё не севший в кресле директора, так как ещё не начался учебный год, явился САМ, в его, молодого учителя (!), съёмное жилище. Удер-бай ага от природы был шупленьким, а тут, сейчас, перед ними были, как говорят казахи, «одна кожа да кости».

– Что с вами, Удер-бай ага? – испугался Абр-Али. – Садитесь, садитесь, пожалуйста!

Удер-бай ага сел на кошму.

Через недолгую паузу Удер-бай, с большим усилием «приведя» свой слабенький голос «в порядок», пискляво проговорил:

– Ты завтра поезжай в районный центр к товарищу Хай-Муллину. Он просит, чтобы ты срочно приехал к нему.

Эта неожиданная весть вызвала в душе Абр-Али бурю взаимоисключающих чувств. «Как это понять? – спросил он самого себя. – Плюс или минус? Вот в чём вопрос?!»

* * *

Никто из жителей аула, никто из учителей, воспитателей, никто из учеников не поздравил нового директора. Один только Булек-бай на обратном пути, когда «утверждённый» Абр-Али, с трудом скрывая радость, сел на «почётное место» рядом с водителем, как-то невнятно, сквозь зубы пробубнил:

– Поздравляю...

И всё.

Никто, никто... не поздравил Абр-Али с назначением.

«Хотя бы, хотя бы кто-нибудь из «штатных алкашей», хотя бы кто-нибудь из «штатных подхалимов»... поздравил бы меня!» – думал Абр-Али.

Но...

«назло всем завистникам», Абр-Али решил «не сдаваться».

Через неделю он, наспех отремонтировав, въехал в служебную директорскую пятикомнатную квартиру.

Ещё через неделю он, без согласия районного руководства, своим единоличным приказом назначил Рауза заместителем директора по хозяйственной части.

Ещё через неделю он, без письменного распоряжения, перевёл свой директорский кабинет в просторную учительскую, а учителей – в свой бывший узкий кабинет. Ещё через неделю прямо над директорским креслом мудро глядел на мир сам Константин Устинович Черненко, Генеральный секретарь Политбюро Коммунистической партии Советского Союза.

«Пусть теперь кто-либо попробует сунуть свой грязный нос в мои праведные дела!» – высокомерно улыбнулся Абр-Али, хитро подмигнув портрету Константина Устиновича Черненко.

* * *

Но...

однажды вечером в дом директора школы неожиданно ввалились три пьяные рожи. Абр-Али знал, что весь аул так называет трёх отъявленных алкашей. Все трое были, как говорится, «на взводе», еле держались на ногах. Абр-Али даже смутился, не зная, как вести себя. Продолжал сидеть «как вкопанный».

Один из них, видимо, вожак, с явным превосходством, с большим усилием открыв красные глаза, «стал держать речь».

– Эй, директор! – начал он почему-то на русском языке. – Давай обмывай свое кресло! Так полагается! Ты что, выше всех, что ли? Ты что, умнее всех, что ли? Ты что, брезгуешь нами, что ли?

Абр-Али встал, подошёл к холодильнику, достал оттуда бутылку шампанского и протянул «наиболее» трезвому. Тот, который худо-бедно смог всё же внятно выразить свое требование дать им что-нибудь выпить, вдруг саркастически усмехнулся и с большим трудом, заикаясь, выразил свое возмущение.

– Е-е-е-е, хитрый будешь, ты знаешь, что мы не холоуи какие-нибудь там... чтобы пить эту отраву, мы не аристократы вшивые, чтобы пить такое дерьмо!

Только теперь Абр-Али «пришёл в себя». Он медленно, медленно, как на замедленных кинокадрах, встал и, взяв всех троих двумя руками за шиворот, вывел на улицу и... «разбросал».

* * *

Так Абр-Али шаг за шагом «завоёвывал» себе авторитет. «Без этого нельзя... – думал молодой новоиспеченный директор. – Иначе – съедят живьём!» Но аул всё равно «не сдавался».

Однажды вечером неожиданно появился у порога его директорской просторной квартиры сам (!) Булек-бай. Абр-Али, можно сказать, не сразу узнал своего добровольного «водителя», весь его вид напоминал, как говорят казахи, человека, который «только что потушил страшный пожар»: жиденькие волосы как-то странно взъерошены, обычно улыбочивые глаза гневно метали ранние весенние молнии. За сотую долю секунды Абр-Али успел подумать: «Видимо, случилось что-то страшное в его семье?»

Но Абр-Али, оказалось, ошибся. На его традиционное:

– Добро пожаловать! –

ночной гость нетрадиционно гневно отозвался:

– Какое может быть «добро?»

Абр-Али всё ещё полагал, что такой поздний «поход в дом высокого начальника», естественно, связан с чем-то сугубо семейным. Но из уст самого преданного подчинённого он, Абр-Али, услышал самое грубое:

– Ты!

«Ничего себе! – сухим громом отдалось где-то там в «башке» хозяина дома.

– Ничего себе, мой вечерний гость...»

– Ты! – ещё громче крикнул «Булек-бай. Булек-бай, которого не только Абр-Али, но и весь аул считает самым уважаемым «авторитетом». С его мнением считаются все!.. Недаром же он является обладателем одного из двух (всего двух!) «жигулей» во всем, таком большом районе, как Хоргосский!

Когда, в третий раз крикнув:

– Ты! – Булек-бай, поперхнувшись своей слюной, закашлялся, этой неудобной паузой воспользовался Абр-Али. Он позвал Азу, жену, и велел подать пиалку холодной воды.

Но ночной гость резко махнул рукой, удачно проглотил свою «предательскую» слюну.

– Ты! – с четвёртой попытки удалось ему «оформить» свою претензию к молодому директору. – Ты отдал тёплое место заместителя директора Раузу, а мне – что? Одно из этих двух тёплых мест по закону ведь принадлежит мне? Не так ли?

Одна из особенностей характера Абр-Али в том, что он по-человечески умел, как говорят казахи, обуздать самого себя – обуздать себя в самые критические моменты, когда другие часто «взрываются», «лопаются», просто – срываются.

Он, Абр-Али, мгновенно «переключился» с роли важного начальника и мгновенно «превратился» в наивного добряка:

– Всего-то? – спросил он ворвавшегося в его дом холодной снежной вьюгой Булек-бая. И, встав с места, улыбаясь, подошёл к разгневанному учителю географии, подошёл и смиренным тоном «приглушил» это «недоразумение». – Всего-то? Вы решили, что я забыл о вас? Как это так? Как я мог забыть о вас? Вы же всегда в «запаснике» моей души! Я думаю, обдумываю, и – скоро вы узнаете о моём решении!

Абр-Али, как сверхчувствительный рентгеновый аппарат, «смекнул аппетит» Булек-бая и подытожил неприятный разговор:

– Всё будет, ага! Я ни на минуту не забываю о вас! Только меня не торопите! Всё будет. Будет ещё выше, чем вы намекнули мне только что! Будет! – И хозяин дома повернул этот скандальный разговор совсем в другое русло. – Аза! – крикнул он жене. – Стели скатерть, подай чай нашему уважаемому гостю.

Так Абр-Али потушил спонтанно возникший пожар. Но он ещё не знал, на что намекнул, когда сказал: «Будет ещё выше, чем вы думаете».

Потом Абр-Али возьмёт себе «на вооружение» эту неожиданно рождённую тактику. И назовёт её «өрт сөндіру», что значит: способ мгновенного тушения внезапно возникшего пожара.

* * *

Но...

на следующий день способ мгновенного тушения внезапно возникшего пожара не сработал.

На следующий день он, как директор, по утверждённому плану должен был посетить открытый урок одной молодой учительницы. Он посетил. У молодой учительницы, как говорят казахи, «душа ушла в кончик носа», она сильно волновалась и путала названия стран и материков.

Но...

это – ничего, это можно списать на неопытность «географички». Но дело оказалось в другом: в этом десятом «г» классе учились двое неразлучных друзей, Нурлан и Тарлан, которых их соклассники называли «Дон и Санчо», имея в виду, конечно, героев Сервантеса. Нурлан был Дон Кихот, Тарлан, соответственно, – Санчо. Нурлан был объектом тайных и явных вождедений и воздыханий более половины учениц старших классов. А Тарлан – наоборот, у него была кличка – Орангутанг, о которой он сам, конечно, не знал.

Так вот, эти двое оригинальных друзей не без чьей-нибудь, разумеется, подкаски начали преследовать нового директора.

Так вот, эти двое и сегодня, когда Абр-Али перед общешкольным утренним строем держал официальную речь, сперва Нурлан, улыбаясь, что-то сказал Орангутангу, а Орангутанг тот час же, в свою очередь, начал исполнять свою роль – начал громко хихикать, потом его хихикание переросло в хохот, а хохот перерос в истерику. Войдя в роль Орангутанга, он начал обнимать и целовать девушек, те, естественно, начали кричать, визжать, отбиваться от страшного чудовища.

У Абр-Али же там, в глубине мозга, что-то «стрельнуло», как будто пронзила буйная весенняя молния, в глазах потемнело, чуть-чуть закружилась голова. Но он успел всё же взять себя в руки. «Нет! - сквозь зубы скомандовал он самому себе. - Им не удастся вывести меня из колеи!»

Так мужественно выстоял он, Абр-Али, эту тщательно подготовленную «провакационную вылазку».

Мужественно подождав, пока все успокоятся, он, как будто ничего не произошло, как будто он, директор, ничего не видел и ничего не слышал, при «мёртвой» тишине густым баритоном продолжал свою директорскую речь.

* * *

Продолжать-то он продолжал спокойным голосом свое выступление, но некая ядовитая игла всё же осталась в мягком мозгу, и она, эта игла, начала «ковыряться» в том «районе»! «Ты должен был показать зубы! Ты должен был показать зубы!» – назойливо сверлила эта игла.

Впервые за два месяца своего директорства Абр-Али так долго и пространно говорил перед своим коллективом и очень удивился, когда эти несколько сот слушателей громко, искренно и долго аплодировали ему. «Всё! Я – победил!» – решил он.

Но! Победа эта не была окончательной. Но Абр-Али об этом, разумеется, не знал.

* * *

На следующее утро в его директорский кабинет без стука, без приглашения вошла «официальная тройка»: секретарь партийной организации, секретарь комсомольской организации и председатель профсоюзного комитета, и с весьма серьёзным видом, испуганными голосами сообщили:

– Вчера под утро, оказывается, пастухи нашли Булек-бая агу в странном состоянии. Его, с его же путаных показаний, кто-то в балахоне, проходя мимо, ударил в лицо, отчего он упал в лужу. Самое для нас неудобное – нашли его недалеко от школы. Притом от него несло сильным перегаром самогона...

– Так он же непьющий вообще?! – широко открыл свои голубые очи Абр-Али. – Как же это так?! А где он сейчас?

На этот глупый вопрос чётко ответила парторг, она же заведующая учебной частью школы, которую вся школа называла не иначе, как ЖД, что означало - Железная Дисциплина. Эта ЖД неторопливо встала с места и чётко так произнесла:

– Товарищ Булек-бай Базарбаевич находится у себя дома. Мы, тройка, сходили к нашему товарищу на дом. Его состояние удовлетворительное, так сказала наша медсестра, она же секретарь первичной комсомольской организации!

Абр-Али возмутился:

– А почему вы пошли без меня?

– Ведь вы вчера весь день были в... районном Отделе народного образования! – чётко, ясно, правильно произнося каждую букву, отчеканила завуч.

Официальная тройка тупо молчала. Потому что она, тройка, состояла из отдельно взятых п е н д е, то есть отдельно взятых существ. А у отдельно взятого существа есть своя, отдельно взятая, глотка. А эту, отдельно взятую глотку, как известно, каждый раз надобно (!) подкармливать. Иначе...

Что будет «иначе» – очень хорошо знал Абр-Али. Хорошо знал, правда, пока только – теоретически. Но всё равно, на душе стало тревожно. «В чём же дело? – спрашивал Абр-Али самого себя. – Причины для беспокойства вроде бы нет».

Потом сам же поправил последнее предложение. «Почему я спросил самого себя: причины для беспокойства вроде бы нет». Почему: «вроде бы?»

Изрядно выдержав, как «полагается казаху в таких печальных случаях», долго, почётную паузу, директор сказал свое веское слово.

– Пусть профком окажет пострадавшему материальную помощь. Я, как директор, тоже выделю из своего фонда определённую сумму...

Потом великодушным жестом отпустил тройку. Оставшись один в кабинете, он долго-долго думал о чём-то неопределённом. О чем-то хаотическом. И пришёл к непонятному, сумбурному выводу: «Надо избавиться от н е г о!»

Но он не знал, что значит «избавиться» и кто таков – «от н е г о».

Ручные часы показывали ровно «тринадцать». Обеденный перерыв. Он обычно обедал дома.

Абр-Али знал, что до казённого пятикомнатного дома с высокой конусообразной черепичной крышей ходьбы было всего-то ровно шесть минут. Пройдя до половины шестиминутной дороги, он снова остановился.

«Ну, скажи, чем же это... не коммунизм, к которому стремится всё прогрессивное человечество?» – с саркастической улыбкой спросил он самого себя, видимо, имея в виду близкое расстояние между школой и своей квартирой.

В этот миг он услышал нежнейший голос своей жены:

– Ну, что ты застыл, как истукан, на полпути? Изнемог, что ли?

Аза стояла у высоких железных ворот номенклатурного (!) директорского (!) дома.

* * *

Но почему-то, без явных причин, плохо спалось. Абр-Али всё переворачивался и переворачивался с боку на бок. Потом тихо, очень тихо, осторожно поднялся с постели и, как говорят казахи, кошачьими шагами вышел во двор. Тут его поразило Нечто Непонятное. «Что значит: Нечто Непонятное?» – спросил он самого себя. Ответа не последовало. Потом ещё раз удивился: он теперь стоял на школьном футбольном поле (!). «Когда же я пришёл сюда? И зачем?»

Тут некий неясный внутренний голос пробубнил: «Надо избавиться от него!»

Через секунду он задал самому себе вопрос. «Что такое: «и з б а в и т ь с я?»

А дальше последовало логическое продолжение: «От кого надо избавиться?»

Потом только Абр-Али понял: в его душе происходит Нечто Непонятное.

А это Нечто Непонятное начинало приобретать реальную форму мгновенного термоядерного взрыва, взрыва, который частенько показывают в кинотеатрах перед началом художественных фильмов.

«Значит, Нечто Непонятное происходит в моём сознании. Значит, тебе, Абр-Али, надо, самое главное, победить себя! Вот где, как говорят русские, зарыта собака!»

«А теперь же, Абр-Али, марш, марш домой! Твоя любимая Аза наверняка уже проснулась и как всегда ждёт тебя, вернее – ждёт твоих предутренних ласк!»

В этот миг...

* * *

В это самое мгновение он ясно почувствовал, что под его ногами земля отчаянно вздрогнула, «как необъезженный скакун!» – успел сравнить Абр-Али. «Значит, эти белые вершины... – он посмотрел на снежные пирамиды, – не одобряют мои... мои... сомнительные «деяния».

Абр-Али не замечал, как снова остановился. «А какие это «деяния?»

Другой, жёсткий Абр-Али ответил этому раскисшему «мямле» резко и грубо:

– Цыц, ты, «мямля!» Окончательная победа остаётся за сильнейшим! Запомни это навсегда! Понял?!

Тут Абр-Али «нашёл себя», уже приближающимся к своему директорскому шикарному белому дому (!). Он машинально взглянул на свои ручные золотые часы. Ручные золотые часы показывали три часа тридцать минут ночи.

И сегодня, как вчера, у высоких железных ворот его ждала его Аза, такая хрупкая, такая лёгкая, такая желанная.

* * *

Белый-белый нежнейший шёлк надобно стирать только в чистой холодной воде. И... сушить его надобно только ночью. Только предутренний прохладный ветерок может этот нежнейший белый шёлк довести до кондиции...

Таков величайший секрет взаимоотношений огня и воды.

...Четырёхлетний мальчик Нур проснулся в полночь от каких-то диких стонов, от каких-то диких вздыханий, от каких-то несуразных реплик, от каких-то нечеловеческих, непонятных выкриков, от какой-то мольбы пощадить... тут же возненавидел своего отца за то, что он, его любимый папа, вот так дико, вот так грубо мучает... его любимую маму.

Он твёрдо решил, что утром выскажет своё возмущение отцу, хоть он тоже такой дорогой (!).

* * *

Ночь, хотя она тёмная, смягчает, озаряет душу человека, день же, будь он во сто крат ярче и жарче, – нагоняет в душу человека смуту и неразбериху. К такому выводу пришёл Абр-Али, когда утром, придя в школу, расселся в мягком кресле директора.

Мягкое кресло директора должно было бы успокоить его, а нет (!), мягкое кресло директора, наоборот, усилило смутную неразбериху в его душе.

Наоборот, то проклятое Нечто Непонятное снова, в сотую долю секунды завладело всем его существом. Какая-то острая тревога заставила его нажать на кнопку вызова. В кабинет вошла секретарша.

– Найди и пригласи ко мне зама, – сказал он, и сам удивился. «Почему я свой рабочий день начал именно с него?»

Пока секретарша нашла и пригласила Пауза, Абр-Али встал с кресла и подошёл к высокому зеркалу. «Оттуда» на директора хмуро глядел стройный рыжий джигит в блестящем чёрном костюме. Белая-белая отутюженная рубашка и красный-прекрасный галстук придавали «субъекту» неотразимый авторитетный вид. «Пойдёт!» – сказал он самому себе. В этот же самый момент он вздрогнул: сильным рывком открылась дверь и... показалась грозная фигура полковника во всём блеске формы пограничника.

В этот же момент «скрестились» противоположные чувства двух самолюбий (!): кадрового полковника-пограничника и растущего карьериста.

Но!

В этот же самый момент действительно скрестились две мощнейшие молнии.

Но! Победило Нечто Непонятное.

Первым сдался полковник. Он, гордый своим редким в этих краях рангом, первым заметно вздрогнул и заметно побледнел.

И... козырнул:

– Товарищ директор Бала-Сазской средней школы...

«Это, конечно, смешно... – подумал Абр-Али. – Но пусть будет так! Это – в мою пользу!»

– Слушай меня внимательно! – приказным тономскомандовал директор. – В нашей школе все любят тебя: и ученики и учителя! Это очень хорошо! Но есть один твой завистник... Он – эта щупленькая обезьяна – Удер-бай – Змеиные Глаза! Он мутит наш здоровый коллектив! Он – клеветник! Он – вредитель! Когда весь советский народ семимильными шагами идет к коммунизму, отдельные отщепенцы, вроде Змеиных Глаз, исподтишка сеют всякие клеветнические небылицы. И ты, и я – коммунисты! Значит, что? – Абр-Али испытующе уставился на бывшего пограничника и повторил свой «убийственный» вопрос: – Значит, что?

– Мы должны принять соответствующие меры! – как ученик у парты, чётко и ясно ответил Рауз.

«Всё!» – подумал Абр-Али и... скомандовал:

– Иди! Ты свободен!

Когда Рауз чеканными шагами вышел из кабинета, Абр-Али подумал: «Вот он, мой робот! Робот в тысячу раз выгоднее, чем человек, ибо его, робота, не нужно подкармливать!»

* * *

Через четыре дня после этого «исторического разговора» ранним утром Аза испуганным голосом разбудила мужа.

– Абра, Абра! – теребила она мужа. – Кажется, что-то страшное случилось на Верхней улице. Там женщины прямо хором воют. Видимо, случилось что-то страшное! Вставай, иди, а то неудобно будет...

Когда Абр-Али быстрыми шагами подходил к Верхней улице (так назывались два десятка беспорядочно построенных хибарок), там уже собралось, оказывается, человек двадцать-тридцать, в основном женщин. Один только мужчина на коне, в фетровой шляпе. Шляпа эта, к тому же – фетровая, ясно давала знать, что владелец фетровой не халам-балам там, а – один из бывших начальников этих краёв!

– Где же ты ходишь, директор, когда убивают твоих учителей?! Сперва – Булекбая, до полусмерти! А теперь – Удер-бая, насмерть! – нарочито громко завизжал «фетровая шляпа», сидя на коне, как говорят казахи, «одним боком».

* * *

Абр-Али понял, что...

надо ему самому действовать. Иначе...

будет очень,

очень плохо.

На следующий день после похорон Удер-бая он, Абр-Али, посадив полковника Васильева А.А. в кабину рядом с шофёром школьной грузовой трёхтонки, сам – в кузове, поехал на пограничную заставу.

Там, в погранзаставе Хоргос ветерана Васильева (Рауза) приняли, как царя (!). Состоялся даже парад в честь легендарного полковника Васильева. Абр-Али же, как говорят казахи, «между двумя ливнями дождя», то есть под шумок, успел заключить меморандум «О шефстве хоргосских пограничников над юными пограничниками-черненковцами Бала-Сазской средней школы».

Оставив Рауза-Васильева на три дня у «с в о и х», то есть у пограничников, сам Абр-Али поехал прямо в областной центр – город Кок-Тасты. Там он первым делом поочередно зашёл в редакции двух областных газет и добился опубликования двух идентичных текстов (на казахском и русском языках) меморандума «О шефстве хоргосских пограничников над юными пограничниками-черненковцами Бала-Сазской средней школы».

«Вот это – моя ч и с т а я п о б е д а!» – завершил он этот свой яркий «ход» на жизненной «шахматной» доске. И, сидя в гостиничном номере, заочно «показал кукиш» своим, всяким там врагам. «Теперь пусть попробуют подкопаться под меня! Знайте же, мои враги, с Абр-Али шутки плохи!»

И на самом деле его «ч и с т а я п о б е д а» через неделю была опубликована на первой странице Всесоюзной газеты пограничников. Через день - на целой полосе «Комсомольской правды» с фотографиями.

«А, как известно, тираж «Комсомолки» далеко переваливает за десять миллионов экземпляров!» – торжествовал Абр-Али.

* * *

Но!

Как известно, любой п о б е д е всегда сопутствует ее неразлучный антипод – п о р а ж е н и е!

* * *

Однажды, когда солнце клонилось, как говорят казахи, к «своему гнезду», в высокие железные ворота директорского обиталища кто-то сильно постучал.

Аза была дома одна. Она, надев своё ярко-красное шёлковое платье, как раз собиралась сходить за детьми в садик и ясли. Эти чьи-то сильные, требовательные удары в ворота подействовали на её чуткое сознание как нечто давно ожидаемое (!). «Почему?» Её сердце тревожно забилось – сильно-сильно. «Я-то никого не жду. Кто же это?» Опять же, как выражаются те же бывшие кочевники, встрепенулось сердечко её, «как необъезженный дикий скакун». «Кто же это?»

Она вышла во двор, подошла к высоким железным воротам и, сняв задвижки, открыла входную дверь.

Там стоял – ОН!

* * *

Аза знала, что в подчинении её мужа служит не то заместителем, не то завхозом некий чудаковатый великан. О нём в этом ауле молодые женщины рассказывали всякие несуразные небылицы. Но сегодня, вот сейчас, она увидела «это чудовище-великана» впервые с глазу на глаз.

Увидела. И первая мысль, что весенней молнией ударила в мягкую оболочку мозгов, была: «О Создатель! Женщины говорили о нём, как о сумасбродном орангутанге. А он же весьма симпатичный джигит. Джигит с глазами стеснительного подростка!»

Джигит с глазами робкого мальчугана даже не позволил себе поздороваться с женой своего начальника. Молча прошёл мимо растерянной Азы, как будто он - единоличный владелец этого двора, пинком правой ноги открыл деревянную дверь хозяйственной кладовки и поставил на деревянный пол закутка свой груз - мешок муки.

Некая злость, присущая молодой женщине, считающей себя красавицей, но в какой-то момент обойденной вниманием тупого бездушного мужчины, овладела Азой, и она резко сказала:

– Осторожно! Что же вы бросили мешок так грубо! Это же х л е б!

Тогда только Рауз с удивлением, которое в тот же миг превратилось в восхищение, посмотрел на Азу. Посмотрел, не узнавая. Его взгляд вроде бы выражал возмущение: «Откуда, мол, женщина, ты взялась? Ты кто, мол, вообще-то?»

Этот взгляд дикаря оскорбил Азу, и она невпопад буркнула:

– Бескультуре какое-то!

Аза не осознавала, как она этой своей уязвлённой злостью возбудила в оступевшей душе сорокапятилетнего мужчины некую давно забытую святую тайну, и тогда эта «отупевшая душа», не осознавая, просто так, улыбнулась своими роскошными усиками, широко раскрыв свои крупные белые зубы.

И... оба, молодая женщина и сильный мужчина, не поняли, не успели даже осознать, что же потом случилось с ними.

Всё случилось так неожиданно, так бурно, так... бесстыдно.

* * *

И сегодня муж вернулся с работы поздно. Но его ждал, как всегда, богатый стол с любимыми яствами разнообразных национальных блюд. Абр-Али в эти удачное лето и удачную осень заметно начал полнеть и, если можно так выразиться, начал «интенсивно» приобретать осанку солидного, авторитетного начальника. Одним словом – возмужал.

Он, по своей привычке приняв подобающую в таких случаях осанку солидного начальника, начал церемонию приёма пищи. Для Абр-Али этот момент приёма пищи имел особое значение, как, например, для пианиста-виртуоза важен момент первого аккорда сложнейшего концертного номера.

К концу «концертного номера» он обычно своим карманным шёлковым платком вытирал мелкие, еле заметные капли пота, выступившие на его широком красивом лбу, и потом только обращался к жене:

– Ну, как там наши дети?

Потом только наступала очередь «вступления Азы в семейную беседу».

Она, Аза, с каким-то непонятным оттенком нерешительности в голосе, спросила:

– А что за человек, которого ты прислал с мешком муки?

Спросить-то спросила, но тут же поняла, что «не с того конца» начала свой вопрос.

Абр-Али удивлённо посмотрел на жену и, с явным сарказмом, на вопрос ответил вопросом.

– А что?

– Да так, – замялась Аза, чувствуя, что у неё, как всегда в таких «глупых» моментах, краснеют кончики ушей.

– Вообще-то он у меня джигит видный, правда?

Женское чуткое нутро спасло Азу от катастрофы.

– Кто? Он-то симпатичный? Скажешь ещё!

А между тем в глубоких «тайниках» сознания Азы ясно так, бурно так, бесстыдно так разыгрались «кадры» утреннего грехопадения...

Женское чуткое нутро подсказало ей, что сейчас же надо принять позу «страшно обиженной безгрешной супруги (!)». Она надула свои тонкие губы... и, искренно (!) заплакала.

Это – спасло её.

* * *

Как все высокие небесные горы, Тарбагатай не мог долго оставаться в своём гордом одиночестве. Как все высокие горы, Тарбагатай «гостеприимно» собирал вокруг своих трёх белоснежных пирамид «всякие» там «заблудившиеся

караваны» мрачных черных туч и белых-белых пушистых облаков. Белье-белые пушистые облака любили с какой-то таинственной ловкостью зацепиться за макушки трёх пирамид и... висеть там, напоминая собою легкий шелковый белый девичий платок.

Как все детдомовские девчонки-сироты в молодые годы, оставшись наедине, Аза часами могла любоваться и – беседовать, беседовать с теми белыми шелковыми платочками, висевшими на макушках тех белых-белых трёх пирамид того таинственного чуда – Тарбагатая.

И сегодня Аза проснулась в полночь и тихо-тихо вышла наружу, чтобы поделиться своей такой напастью, напастью, так неожиданно настигшей её слабое сердце, поделиться с теми тремя белыми-белыми пирамидами.

Но (!)

вместо тех белых вершин её ждал чёрный силуэт такого ненавистного, такого желанного Рауза.

* * *

Вся школа, как полагается, с большим энтузиазмом готовилась к октябрьским праздникам, которые отмечались седьмого ноября. Ажиотаж, поднятый самим директором (!), мгновенно охватил всю школу. Заработали все комитеты: партийные, профсоюзные, комсомольские, родительские, даже – дошкольные.

Всё кипело, когда строжайшая заведующая учебной частью привела за уши какого-то ученика восьмого класса – нарушителя дисциплины.

– Товарищ директор! – сказала строжайшая заведующая учебной частью. – Вот вам отъявленный хулиган! Он, оказывается, сочинил издевательские стихи о вас! – И, не дождавшись реакции самого директора, объекта издевательских стихов, начала сама же наизусть читать ученический «шедевр».

Наш дир... дир... дир...

До дыр, дыр, дыр...

Изучает классный журнал,

Хочет найти криминал!

Абр-Али был в хорошем настроении. Эти стихи показались ему просто забавными. И он, чуть улыбнувшись, спросил у «поэта»:

– Значит, дир, дир, дир – это, видимо, я – директор? А дыр, дыр, дыр – это значит «изучает журнал до дыр?»

Юный «поэт» тупо молчал.

– А ты сам знаешь, что такое «криминал? Нет? – всё с той же снисходительной улыбкой подошёл Абр-Али к юному дарованию. – Не знаешь? Тогда вот тебе – мое задание! Завтра... – он посмотрел на свои золотые часы, – ровно в три часа дня ты придёшь ко мне и доложишь: как нашёл, где нашёл правильный ответ на вопрос: «Что такое криминал?». Понятно? Если понятно, то вы – свободны.

И завуч, и юное дарование вынуждены были покинуть столь авторитетный кабинет, в который нельзя заходить со всякими там никчемными вопросами.

«У директора должен быть культ. Тот руководитель, который не смог создать вокруг себя атмосферу страха и... уважения, обречён на позор и – крах!»

Так подтвердил Абр-Али свою первую победу над самим собою.

* * *

На следующее утро они с Раузом поехали в райцентр. Рауз – за рулём трёхтонки, Абр-Али – рядом. Лёгкие серые тучи неподвижно сопровождали диковинную в этих краях железную арбу. И в райцентре им сопутствовала удача. В главном универсальном магазине Абр-Али облюбовал себе сразу два шикарных шерстяных костюма. Черный и белый.

Когда Абр-Али одел черный костюм и подошёл к высокому зеркалу, Рауз, до этого момента спокойно наблюдавший за каждым движением своего начальника, резко побледнел и – ни с того ни с сего – начал умолять Абр-Али не бить его. Мало того, потом он с выпученными глазами начал обнимать его и, став на колени, в буквальном смысле зарыдал.

– Брат, брат, не бейте меня по голове! Не бейте! Я – исправлюсь! Я – исправлюсь!

Абр-Али тоже, в буквальном смысле не узнавая, глядел на этого огромного человека. Абр-Али тоже в какую-то долю секунды готов был, став на колени, просить у того прощения. Но вовремя овладел собою и, сумев всё же улыбнуться, спросил:

– Почему я должен бить тебя? Что значит вообще – бить? А ну-ка, встать! – скомандовал он, ещё не осознавая смысла своей такой дикой команды. – Встать, говорю!

Рауз, вытерев правым рукавом выступившие скупые мужские позорные слёзы, встал во весь рост. И тут в мгновение Абр-Али успел оценить превосходство своего заместителя над ним, Абр-Али. Он, этот полоумный гигант, всё же мощнее его, Абр-Али. «Надо избавиться от него! – пронеслось в глубочайших «тайниках» сознания. – Надо!»

* * *

Через каких-то пятнадцать минут всё перевернулось. Абр-Али, стоя в той же куцей примерочной, снял с себя чёрный дорогой шерстяной костюм и переоделся в белый дорогой шерстяной костюм. Посмотрел на свое отражение в высоком зеркале. «Тот» Абр-Али в шикарном белом шерстяном костюме ещё больше понравился «этому» Абр-Али. Он, довольный своим отражением, улыбаясь, повернулся к Раузу и спросил:

– Ну, как теперь?

Но тут Рауза как будто подменили. Рауз смотрел на своего начальника, совершенно не узнавая. Не только не узнавая, а – пренебрегая! Как будто перед ним нет никого, как будто перед ним – одна пустота (!). Абр-Али показалось, как будто Рауз в течение каких-то нескольких секунд стал ещё выше Абр-Али (!).

Он, этот никчемный отставной, довольно ощутимо ударил своего начальника по плечу и... пренебрежительно так, брезгливо так, похлопал того по спине и снисходительно «изрёк»:

– Уроду – всё к лицу!

У Абр-Али земля ушла из-под ног, как будто земля под его ногами взбунтовалась подобно необъезженному скакуну. Через секунду ему удалось взять уздечки строптивного коня в руки. Он, Абр-Али, окончательно победив себя, сумел даже, хоть и несколько нервозно, саркастически хохотнуть.

– Ты, Рауз, большой шутник, оказывается!

Но, как говорится, не тут-то было! Рауз железными клещами захватил его горло и начал душить.

Абр-Али из последних сил пнул его своей, благо длинной, ногой в пах.

Рауз зашатался и присел на пол.

Абр-Али же быстро снял белый дорогой шерстяной костюм, быстро надел свое привычное каждодневное чёрное рабочее одеяние и спокойно вышел из закутка. И...

мило улыбаясь, подошёл к продавщице и, всё ещё мило улыбаясь, сказал:

– Я беру оба эти костюма!

* * *

На обратном пути Абр-Али всё повторял да повторял: «Надо скорее избавиться от этого «Нечто Непонятного!»

* * *

У казахов есть два понятия слова «мрак»: одно – предутренняя тьма, второе – предвечерняя смута.

Муж вернулся как раз в предвечернюю смуту. Аза всё убеждала себя, что она ждет именно (!) своего мужа (!), а сознание преподносило Азе образ т о г о, проклятого, ненавистного «Нечто Непонятного».

А «Нечто Непонятное», облачившись в образ невинного робкого того... желанного негодяя (!), всё оттеснял, всё отгонял прочь облик ее законного любимого (!) мужа, Абр-Али.

Вот в таком состоянии встретила Аза уже входившего в просторную гостиную мужа. Она попыталась было привстать, но некая непонятная сила заставила её склониться перед входившим мужем.

– Ну почему так долго? – не глядя на мужа, спросила Аза.

Абр-Али снисходительно улыбнулся, как говорят казахи, «в усы» и снисходительно спросил:

– Что, соскучилась?

Такой обыденный в их семье вопрос сегодня поверг Азу в мучительное смущение. Она растерянно пробормотала:

– Так поздно... Я, право, забеспокоилась... Солнце ведь давно уже село в свое гнездо... а вас всё нет да нет...

И тут... Азе показалось, что она допустила страшную ошибку, произнося слово «вас». Как будто она произнесла это слово, имея в виду и... того чёрного дьявола, который вошёл в их дом вместе с Абр-Али, неся в охапке какие-то свёртки.

Благо, её муж явно не придал никакого значения слову «вас». Он, весело улыбаясь, прямо прошёл к высокому зеркалу и, внимательно посмотрев на свое отражение, обернулся к жене:

– Ну как, идёт мне этот белый костюм?

Аза ещё не успела отойти от аффекта, связанного с неожиданным появлением прямо в их доме (!) этого... этого... смуглого, стройного, такого... такого... молодежавого мужчины, с которым... с которым... с которым... она...

Белый костюм сидел на её муже так ладно, что Аза в какую-то долю секунды успела презреть себя за тот... за тот... за тот...

– Как... этот... как его? Знаменитый актёр... как его? – растерялась Аза.

Абр-Али не стал выяснять, какого актёра имеет в виду его жена, он, довольный тем только, что его выбор костюма понравился ей, жене, не без гордости назвал цену покупки.

Аза только успела открыть рот, чтобы выразить удивление такой высокой ценой, как заметила внезапное странное исчезновение этого... того... того, который...

Она испытала невероятное облегчение, Аза так радостно вздохнула, что Абр-Али посмотрел на неё с неким подозрением.

– Что, ты считаешь – эти костюмы очень дорогие? – спросил он, и сам же ответил на свой вопрос: – Не беспокойся! У нас будут не такие ещё... кущи!

* * *

Случайно обронённое уродливое слово «кущи» каким-то таинственным образом вызвало в сознании Абр-Али облик его уродливого заместителя Рауза. Абр-Али вспомнился тот неприятный момент, когда он вынужден был со злостью наказать Рауза пинком в пах, и красочно описал, как тот присел на пол.

Увлёкшись красочным описанием своего подвига, Абр-Али закончил свой рассказ торжественной нотой и не сразу заметил, что Аза плачет.

– Зачем? Зачем ты так, – сказала Аза, безмолвно, без особых слёз плача, – ведь он не психический больной, как ты говоришь, он просто, просто не от мира сего! Он... он – такой большой мальчик!

– Ха! Мальчик! Ничего себе мальчик! Персональный пенсионер! – произнёс он и резко так осёкся, как будто в его горле, как говорят казахи, застрял булыжник.

Осёкся и с некоей ехидной улыбочкой спросил:

– А каким это образом ты его так хорошо знаешь?

– Знаю, – сказала Аза, как показалось Абр-Али, нарочито смелым голосом. – Ты сам прислал его к нам с мешком муки, а в другой раз – с мешком конфет и печенья.

Абр-Али, неожиданно так, резко так хохотнув, мягким нежным голосом примирившегося мужа завершил этот, чуть не приведший мужа и жену к резкому раздору, диалог. Но!

Всё равно в его душе остался некий неприятный желчный комок.

* * *

Неприятный желчный комок остался в душе, вернее – где-то там, непонятно где – в затаённой глубине души, у Азы.

За полных пять лет совместной мирной супружеской жизни Абр-Али и Аза сегодня «обошлись» без «этого».

* * *

Сегодня, впервые за пять лет совместной супружеской жизни, они уснули раздельно.

Аза спала прямо на полу, постелив под себя узенькое гостевое корпе. А Абр-Али – на широкой двуспальной кровати. Спал он спокойно. К его чести – Абр-Али не имел привычки храпеть.

Аза же тоже, как говорят казахи, быстро «нырнула» в глубокий сон. Но, в полночь она проснулась со странным чувством, как будто она и не засыпала вообще (!).

И ещё...

со странным предчувствием, что её ждёт «Нечто Непонятное».

Почему-то она спокойно встала с постели и спокойно вышла во двор.

Почему-то она знала, что её уже давно ждёт это «Нечто Непонятное».

В косой тени высокого директорского дома ещё более чернел манящий мужской силуэт.

Аза мгновенно превратилась в комочек пылающего огонька. И этот пылающий огонёк нырнул в объятия Чёрного (даже в темноте) Огня.

Этот Чёрный Огонь был – «Нечто Непонятное». А «Нечто Непонятное» был – всё же вполне понятный Рауз. Воин. Солдат. Пограничник.

* * *

Так, слепо, всецело поддавшись магнетизму телесному, Аза не заметила, как она сама стремительно приближается к страшной катастрофе своей святой человеческой души.

* * *

А сорокапятилетний пенсионер Рауз не имел элементарного понятия, что у каждого человека, у каждого отдельно взятого индивида должна быть отдельно взятая воля. Своя воля. Его отдельно взятая биография не позволяла и думать на подобную тему. Не только думать, а на секунду-другую задуматься: Кто же я, в конце концов? Что за человек я, в конце-то концов? Он твёрдо знал только одно: «Я должен. И – всё!» «Баста! И – всё!» «Сказано – сделано. И... – всё!» «Без всякой там балды!»

И поэтому, когда весь род знаменитого феодала Сары-бая за одну ночь, как говорят казахи, «собравшись в один кулак», двинулся за пределы Союза Советских Социалистических Республик, двенадцатилетний член пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина – Рауз сознательно отстал от родных, отца и матери, и... от всего аула. И... добровольно прискакал на пограничную заставу Хоргос. И остался там – навсегда. Навсегда. Его святая обязанность – выявить врага и уничтожить его!

Не только наяву, но и во сне Рауз искал «проклятых врагов».

А эти вещие сны Рауза практически, как говорят, «крутились» вокруг одного сюжета. Разве что с разными «концовками».

Сюжет же этот всегда начинался с поиска. Рауз искал. Искал на улице, по которой он просто так шёл. Шагал. Бегал. Остановливался просто так отдышаться. Если он сидел, скажем, на собрании, то искал среди тех, кто заполнял этот зал, затаённого врага народа. Если он, скажем, просто шёл по небольшому парку, то он зорко «шарил» глазами под каждым кустом.

* * *

После окончания спецшколы в Москве, разумеется, благодаря стараниям Васильева-старшего, Васильеву-младшему открылась, как тогда пели пионеры хором, «широкая дорога к светлому будущему». На Лубянку. Не как... а как молодому специалисту.

И пошло, и – поехало.

* * *

Не прошло и года безупречной службы, как в молодого, смуглого, стройного, самое главное – перспективного офицера с большим будущим «втюрилась» молодая практикантка Маша. А у Маши была неразлучная подружка – Даша.

Но...

об этой щекотливой истории – потом.

А сейчас – по порядку. У молодого перспективного кадра был свой непосредственный начальник – татарин с русской фамилией Арсеньев. Низенький, щупленький, может быть, поэтому очень желчный – Арсеньев. Он никогда не улыбался. Но нельзя назвать его и – мрачным. Всегда – ровный. Всегда – порядочный.

Низенький, щупленький Арсеньев не знал, что такое улыбка, хотя бы – полуулыбка. Зато он виртуозно знал, как вести себя в таком сверхсложном коллективе, как... «многоточие». Всё здесь решалось «многоточием». Намёками. Недомолвкой. Ехидной улыбочкой. Многозначительным кивком головы. Или – некстати поднятыми бровями. Чаще всего острый, как кинжал, полувозглас:

– М-м-м-да!

И – всё. Был человек, и – с концом!

* * *

И – с концом. Нет человека, нет проблемы. И – всё.

Андрей Андреевич Васильев и Авдотья Соломоновна, отец и мать Рауза, жили, как говорят казахи, на расстоянии «вытянутой руки» от Железного Феликса³. Несмотря на близость расстояния они обязательно «забирали» любимого сына на служебном МК. И ровно через час и двадцать минут «доставляли» его в «место назначения» на служебном же МК.

Вот какими были они, покойные.

А Арсеньев был как раз выдвиженцем его папы.

Но несмотря на это Арсеньев н и к о г д а, н и з а ч т о не позволял себе улыбнуться при встрече или просто при деловом разговоре. Вот какой он был железный – его покровитель и учитель. Не человек, а – бронепоезд, без окон и дверей.

И этот бронепоезд без окон и дверей зимой и летом, в холод и в жару ходил в чёрном шевиотовом костюме, в кричаще-белой рубашке и обязательно при красном галстуке.

Вот при этом, при «бронепоезде», работал Рауз – Андрей Андреевич Васильев до сорока лет, то есть до самой пенсии.

* * *

Работа у Рауза была штучной. Один на один. Со временем выработался у него свой стиль, свой почерк. «Ни с кем не перепутаешь!» – шептались сослуживцы.

Вот этот «мастер своего дела» страшно терялся при появлении Бронепоезда. Такой видный, такой креативный, такой грозный при «исполнении», он терялся, как ученик, который не выполнил домашнее задание, перед щупленьким таким, слабосильным таким Арсеньевым, превращался в козлёнка перед голодным серым волком.

³ Имеется в виду памятник Ф.Э.Дзержинскому. А.Т.

У щупленького Бронепоезда глаза были коричневые, пронизательные. «От одного только взгляда его можно было сойти с ума!» - говорил весь женский персонал.

* * *

Вот этот «щупленький Бронепоезд» остановил его, тогда ещё Васильева А.А., в просторном коридоре железобетонного подвала и тихим, слабеньким, но грозно-пронизательным голосом прошипел:

– Ты что, Васильев, забыл, что ли, где работаешь?!

Тогда ещё Васильев А.А. чуть-чуть не провалился сквозь железобетонный пол. Он, такой огромный и такой сильный, стоял перед своим щупленьким начальником Арсеньевым как наивный медвежонок перед полосатой гадюкой, поднявшей голову перед молниеносным «броском» на жертву. Та, гадюка, грозно шипит, а он, медвежонок, дрожит, как замороженный.

– Как ты вообще одеваешься? Иди, посмотри в зеркало!

Тогда ещё Васильев А.А. пошёл в свой кабинет...

Свой кабинет. Это был... никакой не кабинет. Это был просторный спортивный зал. Можно было бы, скорее, назвать его... лабораторией. Зашёл в свою пустую «лабораторию» и, как приказал его непосредственный начальник, посмотрел по сторонам. Пусто. Никакого зеркала. «А на что смотреть-то?» Пустой огромный зал. Один, без спинки, стул, на котором он обычно «восседал», когда попадался «глухарь».

А «глухарём» они тогда, в те годы называли тех арестованных, которые упорно молчали. И ни за что не открывали свой гнилой вражеский рот. Враги народа. Враги своего (!) народа. «Как можно продать с о й народ?» «Просто зло берёт». «Ну, как можно продать родную партию во главе с великим, мудрым товарищем...»

Рауз вспомнил, что теперь-то он стоит во дворе Бала-Сазской средней школы имени товарища Черненко, где он работает заместителем директора «по воспитательной ч а с т и».

* * *

Трудно, ой, как трудно было только с первым «глухарём». Рыжий, белобрысый, с голубыми, небесно-голубыми глазами, он, п о м о р из Архангельской области, как назло, оказался настоящим глухарём. Молчит, как говорят казахи, «как будто проглотил длинную палку».

Как и полагается, Рауз сперва аккуратненько так прочитал ему же его же анкетные данные. Год рождения, место рождения, отец и мать, где, когда учился. Потом только приступил с ретивым энтузиазмом (а как же иначе? Всё-таки первый раз в жизни!) к допросу.

Он, Рауз, аккуратненько так задаёт полагающиеся, законные (!) вопросы. Где, когда, по чьей рекомендации вступил в преступную антипартийную, антигосударственную группировку. Ещё раз спрашиваю: кто рекомендовал?

Тот всё молчит, как говорят русские, будто в рот воды набрал.

С шести часов утра до шести вечера одна и та же «картина». Рауз, вежливо так, задаёт абсолютно законные вопросы (!), а тот, глухарь, незаконно молчит. Молчит, и всё! Ну что же с ним поделаешь?

– Ты, слушай! – наконец начал выходить из себя Рауз. – Я ведь тоже человек! У меня ведь может лопнуть терпение. Понимаешь, ты?

А тот всё – могила.

Тут он, Рауз, почувствовал, что у него кончается всякое самообладание. И он почувствовал, как вроде сами собою начинают сжиматься его кулаки. Он-то хорошо знает, каковы возможности этих двух железобетонных кувалд. И он, Рауз, часто сам боялся «пускать» их в «ход».

– Ты, слушай! – ещё раз обратился он к п о м о р у. – Ты не вынуждай меня на крайние меры. Ещё раз спрашиваю: Кто? Когда? Как? Мы точно знаем, что ты японский шпион! Не зря же японские подводные лодки заходили в порт Архангельска! Значит, японцы тебя подкупили!

Инструкцию о японских подводных лодках давал Раузу сам товарищ Арсеньев. «А товарищу Арсеньеву не верить – нельзя! Он – ученик самого товарища Железного Феликса!

Когда Рауз произнёс слово «железный», его, известный всем сокурсникам, железный кулак сам по себе «сомкнулся» в «шошпар», то есть в дубину, и... нанёс смертельный удар в лицо врага народа.

В сотую долю секунды Рауз успел... где-то там, в глубине души, «ахнуть», но уже было поздно. Рауз знал сокрушительную мощь своего удара «наповал»...

И...

был поражён, когда увидел п о м о р а ещё на ногах! Но (!) он, помор, всё же сильно шатался, как уличный безнадёжный алкаш...

«Надо же! – подумал Рауз. – Выдержать мой ж е л е з н ы й кулак! Надо же!»

Он не смог удержать себя от профессионального «соблазна» и нанёс ещё один удар, всё же чувствуя, что нельзя окончательно прикончить допрашиваемого.

Но (!).

Надо же, п о м о р вовсе не собирался отдавать душу зазря! Он, п о м о р , шататься-то шатался, но (!) сохранял равновесие (!).

После третьего удара п о м о р вроде как отрезвел и...

о, позор молодому чекисту (!), допрашиваемый принял позу боксёра-соперника и начал «танцевать» как противник-соперник!

«Этого ещё не хватало!»

* * *

Такого поворота «сюжета» Рауз, естественно, не ожидал. В какой-то миг он даже растерялся. Видимо, зрачки его глаз так расширились от такого неожиданного проявления нахальства, что тот, помор, торжествующе подмигнул! Кому? Ему, Раузу!

Но

для тогда ещё неопытного следователя этот безумно издевательский поступок допрашиваемого показался высшей степенью оскорбления человека (!), находящегося при исполнении!

Он тогда ещё не знал, что чрезмерная озлобленность ослабляет «автора» удара. Просто его знаменитые смертельные удары (!) сегодня, «при исполнении», не достигали прямой цели. Зато этот п о м о р «распоясался»!

«О, какой позор!»

Рауз тогда ещё не знал, что существует понятие «тактика разумного отступления». А он, Рауз, брал всё – нахрапом.

П-о-о-о-том пройдут недели, и он, молодой ещё Рауз, однажды воскликнет: «Спасибо тебе, покойный п о м о р ! Ты многому меня научил!»

* * *

После п о м о р а на следующее утро ему привели, - Рауз помнит до сих пор, - худенького, лупоглазого одессита. Тот вообще оказался хохмачом. Он, худенький, шупленький такой, как будто он некий пятиклассник, внимательно так выслушал вердикт районного отдела ВЧК и... согласно кивнул головой (!), вроде как соглашаясь с решением высокого начальства, и во весь свой писклявый голос крикнул:

– Да здравствует товарищ Сталин!

Преподаватели Высшего училища НКВД, где учился Рауз, говорили, перечисляли, на какие хитрые уловки могут пойти враги народа, но среди тех, хитрых уловок, не было такого (!).

Рауз, разумеется, растерялся. «Как в таком неординарном случае должен поступить чекист? Как?»

Этому его не учили. «Вот беда!»

На какую-то долю секунды у него возникла мысль сходить к своему великому учителю Арсеньеву, но, зная его педагогические повадки, воздержался. Он, великий его учитель, может крикнуть, он даже может ударить. А у Рауза до сих пор сохранилась гордость кочевника. Если кто-либо позволит себе нечто оскорбительное, Рауз, конечно, тут же «отреагирует». Тогда слух об его опрометчивом поступке немедленно дойдет до папы и мамы. Они сильно огорчатся. Особенно мама! «У неё и без этого здоровье – шаткое. Ради неё Рауз готов терпеть всякие там мелкие моменты».

Ему удалось обуздать себя.

Он задумался: «Как поступил бы в такой ситуации мой папа?»

Рауз вздрогнул. «Что же это я так? Стал мямлей?!»

Рауз, резко «очнувшись» от всяких там лирических моментов, слегка, так, чтобы не отправить этого лупоглазого одессита с ходу на тот свет, ударил его в живот. Несильно. Щадяще.

И...

в эту долю секунды он заметил, нет, не заметил, а поразился тем, что «одессит» даже не моргнул своими стеклянными глазами! Его, одессита, стеклянные глаза так и оставались при ударе открытыми! «Невероятно!»

Он ещё раз ударил в живот щадяще.

Снова большие стеклянные глаза одессита оставались открытыми!

Тут вдруг одессит сказал такое (!), хоть стой, хоть – падай!

– Я, товарищ палач, еврей! А евреи никогда не закрывают глаза! Чтобы враг не обрадовался! И чтобы он не хвастался потом, что он напугал сына Иерусалима! Понятно?

После такой нахальной «реплики», естественно, последовал т а к о й же у д а р , что сын Иерусалима упал замертво.

* * *

Потом его дела пошли, как говорят русские, «как по маслу».

Кажется, весной следующего года ему пришлось «работать» ещё с одним ненормальным.

Тот, – конечно же, враг народа, – оказался таким видным казахом. «Как же их там называют? Кажется – зиялы, то есть просто – интеллигенты. «Их, интеллигентов, тогда в Казахстане развелось – уйма: оренбургские, омские, астраханские саратовские, тюменские. И – свои, внутренние – казахстанские, а среди них: ордынские, ташкентские, чимкентские, алма-атинские, кзыл-ординские, акмолинские, кокандские, баян-аулские, аулие-атинские. Одним словом – у й м а!

Вот с ними-то работать Раузу было очень-очень сложно.

Как только, по заведённому порядку, начинаешь читать его анкетные данные, он, этот враг народа, окажется то – твоим сородичем, то – твоим дядей по отцовской линии, то – твоим дядей по материнской линии, то – твоим сватом, то – твоим троюродным (!) сватом, а то ещё по какой-нибудь линии... ближайшим... Не зря ведь говорят: «Родство у казахов, как вороньи жилки – бесконечно разветвлённые, бесконечно запутанные...»

Вот с такими вот родственничками Раузу было очень и очень хлопотно.

* * *

Вот с одним вот таким родственничком Раузу было очень-очень «туго».

В сопроводительной «бумажке» за подписью Арсеньева было начертано: «Дауренов Амир. Допросить и р...» Что значит короткое «р...», было понятно всем, даже поломойкам этого грозного вида учреждения. Каждый раз, читая эти «р...» из одной буквы и трёх точек, Рауз, как говорят казахи, «в душе усмехался». «Мне, только мне, известны значения этих зашифрованных сочетаний из одной буквы и трёх точек!»

А для работающих в подвале служак этот сложный ребус из одной буквы и трёх точек означал, что... «будет значительная надбавка к зарплате».

Он, этот «р...» и три точки, был высокого и крепкого телосложения, как сам Рауз.

Когда привели конвоиры его к Раузу, тот, враг народа, почему-то облегчённо вздохнул и улыбнулся. Рауз же просто «опешил», как может этот «расстрельный» ему (!) улыбнуться? Как?! «С какой стати может улыбнуться этот «р...»? Ведь наверняка знает, ч т о значит с п у с к в подвал! Ведь для всех «р...» хорошо было известно, что значит «спуститься в подвал». Ведь среди всех врагов народа хорошо налажена «внутренняя связь», которую специально поддерживало само высшее начальство!» – возмутился (тогда) Рауз.

А сегодня, а сейчас он, Рауз, медленными шагами приближался к дому директора школы. И его, Рауза, почему-то сильно раздражало присутствие на небе такой большой, такой белой, такой близкой к земле – луны.

А тогда, в далёкой Москве, и в родном том здании, в родном том подвале, Рауз, тот, молодой, не на шутку разозлился, когда проклятый враг народа посмел улыбнуться (!). Кому? Ему (!), патриоту любимой Родины!

Мелькнула мысль расстрелять врага сразу, на месте, но воздержался. «Так – не интересно! Ведь даже кошка не сразу съедает свою жертву, она сперва вдоволь наиграется с тушканчиком! Потом только, потом только...»

Все эти мысли не словами, а короткой молнией пронесли где-то там, как говорили сокурники, в «соображалке!»

Тут Рауз снова заметил, что этот статный, благородного вида казах снова улыбнулся. «Вот какие бывают враги, а! Улыбается перед смертью! Надо же!»

А он, этот враг народа, не только улыбнулся ему, он даже спросил (!):

– Ты сын народа Алаш?

Рауз не знал тогда (и сейчас не знает!), что слово «Алаш»⁴ – синоним слова «Казах».

– Молчать, сволочь! – грозным громом прогремел молодой (тогда) Рауз. – Сам ты – алкаш!

* * *

– Ты сын Алаша? – спросил Дауренов Амир.

– Молчать, сволочь! – грозным громом прогремел молодой, подающий надежды чекист. – Ты сам алкаш!

В грозном гневе Рауз вынул из кабуры свой персональный служебный наган и наставил прямо в лоб врагу народа:

– Считаю до трёх, проси у меня прощения за оскорбление чести моего отца! Он – орденосец, а не такой, как ты, продажная шкура!

Рауз ждал, Рауз был больше чем уверен, что эта продажная шкура от страха начнет его умолять, чтобы он его не застрелил, что он, враг, начнёт плакать, прося оставить его в живых, а он расскажет о всех тайных встречах и назовёт фамилии всех заговорщиков.

Ан нет! Этот враг, прямо, смело глядя Раузу в глаза... своими... отвратительными, сверкающими ночной грозой... глазами... медленно так... ясно так... чётко так... целую лекцию...

– Эх, ты! – сказал он. – Слепой щенок! – сказал он. – Если останешься жив... – сказал он. – Поймёшь... – сказал он. – Кто был врагом, кто был патриотом! – сказал он.

И... завершил свою тираду гневным криком:

– На! Стреляй! Пот-о-о-о-м будешь знать, кого ты, паршивый, убил! На, стреляй!

Что было дальше и как было дальше, Рауз не помнит. До сих пор не помнит.

Сколько раз он напрягал свою память, свой мозг, не мог тогда, не может и сейчас вспомнить. «Что было? Расстрелял ли он, Рауз, того врага народа, если расстрелял, то – как? Как же он выполнил свой патриотический долг, да - как?»

Не помнит. Хоть – убей, не помнит.

* * *

Зато помнит, когда в их отделе, неожиданно так, появились две девушки, Маша и Даша.

Даша – высокая, костистая, говорила всегда громко, о смехе, как у нее, казахи говорят: «ржет, как лошадь». Она первой влюбилась в Рауза, но она хорошо (!) знала себе цену, поэтому сама предложила Раузу:

– Что же ты, Красный Командир, не обуздаешь Машеньку? Она же сохнет по тебе!

⁴Алаш - сокращённое понятие от двух слов: «Ала» и «Шона», что означает «Белая Волчица». Белую Волчицу казахи считают прародительницей всех казахских родов и племён. А. Т.

У красного командира до этого не было никакого понятия о девушках и женщинах. Он всецело был «отдан» своей профессии.

Он даже пугался этих слов: «девушка и женщина». Видимо, он с испугом уставился на Дашу, потому как Даша догадалась о «сути» его искренней растерянности.

– Ладно! – великодушно похлопала она по спине джигита и внушительно заключила: – Дальнейший план я беру на себя!

Рауз потом только узнал, что такое: «дальнейший план».

Под руководством Даши они с Машей два раза сходили в кинотеатр «Ударник» на «Чапаева» и «Потёмкина».

* * *

Оказывается, потом ещё надо девушек пригласить в ресторан. Но для Рауза слово «ресторан» ассоциировалось с понятием г р е х. По этой причине он был готов отказаться от Маши, вкупе, разумеется, от Даши тоже.

Маша и Даша, видимо, посоветовались между собою и, видимо, решили не переходить границ «дозволенного». Через три дня «отсутствия» Даша пришла к Раузу нарочито весёлая и, будто между ними не пробежала «никакая чёрная кошка», с ходу объявила:

– Ты знаешь, Красный Командир, сегодня втроём пойдём в цирк! Вот билеты!

Они втроём сходили в цирк. Это была настоящая умора! Пожалуй, первый раз в жизни Рауз искренно так хохотал и хохотал, когда медведь-мама и трое неуклюжих медвежат с виртуозным усердием «выкладывали» перед публикой своё поразительное мастерство...

А когда вернулись в шикарное общежитие и вошли в шикарную комнату Даши и Маши, Даша, улучив удобный момент, когда Маша «на минутку» вышла, пристыдила «недотёпу», Красного Командира.

– Что же ты, мямля, так тянешь?! Ведь ты видишь, что Машенька от тебя без ума! Не замечаешь, как она похудела? Всё вздыхает, даже плачет каждый раз, когда мы заводим разговор о тебе! Ну, скажи, что ты тянешь?

И... Рауз не стал «тянуть». Он, когда Даша вдруг вспомнила, что ей надо срочно куда-то, и «исчезла» туда-то, Рауз, хоть и не опытный в «таких деликатных делах» кавалер, встал с мягкого дивана и уверенными шагами рыцаря подошёл к Машеньке... И, подняв её, как ребёнка, мягко так... положил на диван...

Он, Рауз, даже не успел подумать, почему она, Машенька, такая молоденькая, такая миниатюрная, оказалась таким виртуозом в «э н т о м д е л е».

* * *

Ему, Раузу, «энто... дело» безумно понравилось.

* * *

На четвёртый месяц такой бурной, душа в душу, жизни Рауз начал даже подумывать: «А почему бы не представить Машеньку своему папе, Андрею Андреевичу Васильеву, и своей маме, Авдотьи Соломоновне». Тем более они, уже какой год, всё мягко так, всё робко так стали напоминать сыну-наследнику о желанном внуке и желанной внучке.

Но!

В конце четвёртого месяца, в начале пятого месяца так неожиданно, так «подло» дали «осечку» бурные возможности джигита.

Сперва ни он, ни Маруська не придали «этому» особого значения. Особенно Маруська. Она мягко так пошутила и, мило улыбаясь, произнесла странное, ему незнакомое словечко: «импо». И, мило так выставив все беленькие зубы, улыбаясь, уверенно изрекла:

– Мы с тобой, видимо, свою пятилетку выполнили – досрочно! С опережением!

У Рауза времени всегда было в «обрез», и поэтому не успевал он читать ни газет, ни «спец» журналы. Поэтому он «пропустил мимо ушей» незнакомое, странное слово «пятилетка».

И если бы знал, то он бы сам расшифровал значение этих четырёх букв – «импо».

На следующий день вторая «попытка» тоже завершилась неудачей.

А третий день, в-о-о-о-б-щ-е, закончился полным, окончательным крахом.

А этот третий день для Рауза был днём особой перегрузки.

Дело в том, что двое из штатных работников Арсеньева оказались «притаившимися троцкистами», и они, естественно, во время обеденного перерыва были «ликвидированы» прямо в своих кабинетах. Ликвидация была поручена Раузу, как выразился сам Арсеньев, «как самому доверенному лицу!»

А сейчас Рауз, в состоянии невесомости, стоял перед Маруськой. А та, его Марусенька, полулежала на старом, выдавшем виды матрасе, ставшем в эти четыре счастливых месяца их з е м н ы м р а е м. На полу.

И... на свою беду, видимо, не осознавая, как это опасно, Маруська спросила:

– Ты знаешь, что такое «импо»?

И... опять же, на свою беду, расшифровала полное значение этих таинственных четырёх букв, которые в реальности, оказывается, состоят из восьми букв.

* * *

Маруська не была вообще сердцеедкой. Она была обыкновенная, улыбчивая, белобрысая, голубоглазая красавица. Она очень быстро привыкала к человеку и, разумеется, к людям, при этом никогда не имела корыстных целей. Приближалась и привыкала. Просто так.

У Маруськи никаких «видов» на Рауза не было. Если Рауз предложил бы связать свои отношения с нею брачными узами, она, Маруська, с радостью согласилась бы. И, самое главное, стала бы очень и очень преданной женой. И народила бы ему кучу здоровых, шустрых, обязательно (!) смуглых детей. И никогда бы, ни с кем бы, как говорят казахи, не «бросила соринку в глаза» благоверному мужу.

Так было бы.

Но, к великому сожалению автора (!), она, избалованная вниманием очень и очень видных мужчин, взяла себе в привычку разговаривать с представителями противоположного пола – игриво и ласково.

В таком игривом состоянии она, сама не понимая, а главное, не зная, какие страшные последствия могут последовать за этим легкомыслием, просто так «ляпнула»:

– «Импо» – это никудышный мужчина!

«Ляпнула» и получила мгновенный молниеносный ответ – мгновенный молниеносный удар в свое сказочно красивое лицо...

Рауз просто не рассчитал силу своего легендарного чёрного кулака. Рауз полагал, что он, слегка так, д о л ж е н проучить свою «баловницу». Чтобы та потом, если они соединят свои судьбы, как говорят мудрецы, «коротким арканом священной уздечки», то есть поженятся, вела бы себя прилично при мужчинах.

Но...

не рассчитал. Судьба.

* * *

Арсеньев любил порядок. Даже, можно сказать, что он, Арсеньев, – своеобразный маньяк порядка. Он делил свое время не только на часы, минуты, но и на секунды.

И, естественно, требовал от своих подчинённых того же. Сегодня он сперва насторожился, потом – засомневался в... своей аккуратности.

«Что же происходит со мною? Как это – я (!) мог упустить из виду кабинет следователя Васильева? Из его «кабинета» вот уже более двух часов не выносят...» – Он впервые в жизни удержался произносить слово «труп».

Внимательно посмотрев на ручные часы, он решил взять вину на себя. (В первый раз в жизни!) «Это мое упущение! Позволил ему самовольничать! Избаловал я его!»

А открыв дверь кабинета Васильева, он увидел у самой дальней глухой стены так называемого «кабинета» Васильева странную картину.

У самой дальней глухой стены стоял Васильев и... и... качал на руках, как ребёнка (!), девушку Машу. Войти в тесный контакт с Васильевым было его, Арсеньева, служебное поручение Маше. Но он и не предполагал, что их отношения примут такой «болезненный» поворот.

Тогда, аж... одиннадцать лет тому назад, ему тоже сверху был «спущен» приказ от самого (!) «поиграть в любовь» с дочерью крупного вельможи.

Он тогда «поиграл». Ещё как поиграл. Но в конце концов он тоже, как сейчас бедный Васильев, «потерял голову». И, как сейчас Васильев, он вынужден был «культурно» избавиться от той аристократки. «Да... было дело. А как же иначе? Ведь кругом так и спуют одни враги народа».

А у самой дальней глухой стены всё расхаживал туда и обратно огромный «детина» Васильев и... на руках, как ребёнка, качал свою Машеньку.

Арсеньев слегка кашлянул и по своей привычке стремительно вошёл в кабинет.

В таких случаях Васильев обычно, как верблюд, медленно, медленно поворачивал свою длинную, но крепкую шею. Но в этот раз Васильев-Рауз даже не удостоил своего начальника хотя бы беглого взгляда.

Тут Арсеньев заметил, что его подчинённый – плачет!

* * *

Арсеньев очень и очень не любил, когда человек плачет. Тем более, когда мужчина проявляет такую позорную слабость.

Через каких-то три-четыре минуты, разобравшись в «сути дела», Арсеньев, по своей привычке походив по просторному залу туда и обратно, резко приняв решение, теперь уже строевым шагом (!) подошёл к Васильеву-Раузу и каким-то непонятно торжественным жестом протянул подчинённому свой пистолет.

– На, застрелись! Так будет справедливо и – по чести!

Васильев-Рауз взял пистолет в руки и, недолго думая, нажал на курок (!).

Но!

Пистолет дал осечку.

Васильев-Рауз ещё раз нажал на курок.

Опять – осечка!

Тогда Арсеньев опять же строевым шагом приблизился к своему подчинённому и чётко, на своём дореволюционном, так называемом «кондовом» языке скомандовал:

– Ввиду двойной осечки – отменяю самоубийство!.. – Потом, выдержав долгую паузу, Арсеньев изрёк: – А вторым пунктом своего приказа объявляю: Вознесенскую Марию за проявленный патриотический поступок похоронить со всеми почестями, там...

На самом деле на следующее утро, правда – без оркестра и без сопровождений, поручили двум сотрудникам «отдать», как говорят казахи, «в объятия матушки-земли» труп Марии Вознесенской, героически погибшей при исполнении...

Так завершилась московская одиссея полковника Рауза Васильева, сына бежавшего за пределы Казахстана крупнейшего феодала Асыл-бека Сары-бай теги..

* * *

Огромная, в обхват, луна разогнала по окраинам Вселенной все звёзды и созвездия. И она, эта луна, сегодня одна царствовала от горизонта до горизонта.

Рауз стоял на вершине каменистой возвышенности, которую он про себя называл «Пирамидой Васильева-отца».

Стоял и думал, думал, думал.

О чём же думал? На этот коварный вопрос он сам никогда бы не смог ответить. Ибо он, Рауз, всегда размышлял не голыми словами, а – эмоцией! Как, скажем, «думают» тигр или лев.

Потом, вернувшись в свой «а у л», который он один называл Казна-Кала, и войдя в просторный двор, снова остановился посередине освещённого такой же, в обхват, лунной двора. Остановился и - снова застыл. Он всё пытался вспомнить, о чём же он х о т е л думать, когда стоял «на вершине того холма имени...»

Мысли эти, к сожалению, всё не возвращались и не возвращались. В сознании всё вспыхивало сочетание из двух отдельных слов: «Где?» и «Смысл?».

Со стороны трёх снежных пирамид Тарбагатайских гор неожиданно потянуло холодным ветерком. Теперь он свое изумление выразил обыкновенными словами: «Месяц май, а веет холодом!»

Рауз зашёл к себе домой и, не включая свет, лёг спать. Ранним утром, когда он по привычке проснулся ровно в пять часов ноль-ноль, он заметил, что повторяет и повторяет в «уме» те же два слова, которые вчера замучили его до одурения: «Где?» и «Смысл?».

* * *

Абр-Али пригласил к себе первого заместителя по всем вопросам и самого преданного своего подчинённого Кудер-бая.

Кудер-бай же, явившись тут как тут, всем своим видом показывая и доказывая, что нет в этом мире никого, преданнее директору, чем он, Кудер-бай, начал мяг-

ким таким голоском информировать директора об атмосфере в коллективе. Кто что сказал о директоре, кто наплел всякую там напраслину, а порою явную чушь. Кто дал надлежащий отпор этому клеветнику (естественно, борцом за честь и славу директора оказывался сам Кудер-бай!), а как же иначе? Нельзя коллектив распускать куда попало и как попало. Ведь время такое! Не зря же проклятые капиталисты суют свой грязный нос всюду, где надо и не надо! Потом – о дисциплине и общей атмосфере в коллективе. И... в старших классах.

Тех, кто сеял всякую там клевету, бдительный Кудер-бай просил товарища директора «взять на мушку».

Абр-Али, пообещав «взять на мушку», в тот же миг подумал: «Надо бы Азу устроить на работу хотя бы учительницей начальных классов. А то она днем совсем... одна. Всё дома да дома... Как же я, эгоист, забыл напрочь о ней!»

К концу рабочего дня, а рабочий день директора тянулся до девяти, иногда до десяти часов вечера, Абр-Али с букетом алых зимних роз из... школьного дендрария вошёл в дом, как говорят казахи, – «наохлившись, как петух».

Аза же чуть с ума не сошла при виде букета из алых роз в руках мужа. Она страшно покраснела, и большие такие глаза ее неожиданно наполнились слезами.

А потом была сказочная ночь. А потом, в моментах наивысшего слияния двух душ, Абр-Али всё называл и называл свою жену «моим кроликом!».

Но Аза, естественно, не знала, что эта сказочная ночь – её последние часы пребывания на этом грешном Земном шарике.

* * *

Поднялся он с постели, как говорят казахи, «совершенно другим человеком». Спокойный, бодрый и разумный. В лёгкой спортивной форме пошёл к роднику, который он называл родником имени Авдотьи Соломоновны.

Выкупался в родниковой, поэтому – горячей, дымящейся воде.

Вернулся прямо в свою мастерскую.

А там...

...сработанные им же, дорогие его сердцу человечки.

Человечки, каждый из которых по-своему:

...улыбался,

...хмурился,

...гневался,

...радовался,

...кружился в бешеном танце,

...бегал,

...убегал от кого-то,

...догонял кого-то,

...падая, ловил что-то,

...открывал рот, как при отчаянном крике,

...или принял позу боксёра, который готовится нанести смертельный удар кому-то,

...или...

...в ужасе убегал от кого-то,

...в дьявольском гневе, догонял кого-то,

...или...

...кому-то показывал язык...

Рауз, спокойно так, ласково так поглаживая каждого из своих детищ, беседуя с каждым в отдельности и нежно улыбаясь, расставлял каждого обратно на свое место. И громко сказал им, своим детищам:

– Отныне ваша родина называется: «Москва – Бала-Саз!» От Москвы до Бала-Саза будет курсировать пассажирский поезд! Запомните это!

Потом он подошёл к главному своему врагу, потому что он был врагом его народа! Он подошёл к рослому, из сосны, врагу – врагу народа Амиру Дауренову. Врагу, который, когда он, Рауз, ещё работал в Москве, мучил его, Рауза. «За что же он тогда издевался надо мною? В чём же моя вина? Я же был всегда при исполнении!..»

Сколько дней и ночей было потрачено на создание этого Дауренова-шедевра, автор, Рауз, не помнил.

А этот, сосновый Дауренов, всё, как тогда, в Москве, всё не признавал его, Рауза, за человека! «Вот в чём вопрос!»

ОН, СОЗДАТЕЛЬ этого шедевра, то есть мастер Рауз, поставив его, Дауренова, лицом к себе, то есть к автору, хотел допросить его. Хотя бы побеседовать с ним о великой ИСТИНЕ. О человеческой СУЩНОСТИ. Но, ОН, этот враг народа, всё отворачивался и отворачивался от него, от мастера-автора Рауза (!).

Тогда он, Рауз, решил наказать его, неподатливого. И он своим железным кулаком во всю мощь ударил Дауренова, врага народа, прямо в живот.

Враг народа же только чуть-чуть так покачнулся и снова «успокоился».

Зато железный кулак Рауза мгновенно посинел.

Смертельно разозлившись на врага народа, Рауз стремительно выбежал из мастерской и остолбенел от какой-то непонятной неожиданности: на улице была кромешная тьма.

«Когда? Куда девалось солнце? Неужели я так долго просидел в мастерской? Что же происходит со мною вообще?»

Вдруг он понял, что стоит на вершине каменной горы... «Когда? Как... я (!) оказался здесь?»

Вдруг каменная гора под ногами вздрогнула и тут же успокоилась.

Зато на горизонте показалась опухшая, как лицо неисправимого алкаша, большая, в обхват, луна. Рауз подумал, что это чудо небесное плачет, одна большая капля слёз отделилась от этой серебряной тарелки и покатила вниз.

«Откуда взялась эта луна? Ведь её не было только что? Что же со мною происходит?»

Освещённые лунным светом дома аула Бала-Саз, как поставленные в один длинный ряд коробочки спичек, темнели внизу так ясно и так заманчиво.

Рауз сам не заметил, как шагнул в направление аула.

Рауз сам не заметил, как вдруг оказался в ауле...

И тут ему показалось, что он, Рауз шагает вниз головой!

«Так я же могу покатиться в бездну вниз головой, в космос вниз головой!»

Потом он успокоил самого себя: «Мои ноги, как магнит, прилеплены к земле, а земля - тоже магнит. А небо сейчас подо мною. Вот хохма! Все люди должны ходить, как - Я! Вернее, как ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ! Тогда всё станет на своё место! Ходить вверх ногами! Порядок, только тогда воцарится всемирный порядок!»

Вот такой вот летучей мышью Рауз подошёл к дому директора Абр-Али и почему-то стал ждать ЕЁ.

«Она придёт, она придёт, она придёт!» – всё повторял он.

* * *

И она вышла из дома, уже под утро. Она вышла уже готовая. С маленьким коротеньким ковриком под мышкой. «Сказал же я тебе! А ты не верил! – упрекнул он самого себя. – Вот она вышла, вот она идёт!»

Он даже не поздоровался, не сказал ни слова ей, стоял, как истукан. Она тоже – ни слова.

Она постелила на голую землю коврик и проворным движением, остороженько так, легла на коврик.

Он, как победитель, не торопился. Постояв так несколько секунд, опустил на колени и неторопливо занялся своими брюками.

До этого он дрожал телесным нетерпением, но тут... с ним случилось нечто непонятное. Она, Аза, готовая, не интересовала его. Она, Аза, сегодня не интересовала его, как молодая, как красивая женщина. Она сейчас, не понятно в чём дело, она сейчас интересовала его – как некий кролик. Как кролик – для небесного орла. Рауз знал, орёл – птица гордая, орёл – небесный «аристократ». Орёл не питается падалью. Для орла интересны сами заоблачные игры, а – не результат.

А презренный кот поймает тушканчика и долго, долго играет с ним. Чуть-чуть отпустит и снова поймает. Чуть-чуть отпустит и снова поймает. Мучает, замучает, домучает, одним словом. Потом только... приступает к своему «чёрному делу».

А для орла интересен сам процесс, а не «чёрное дело»!

Чем дольше длится забава, тем ценнее результат. Вот в чём суть. Кот и орёл.

...Она постелила на землю маленький коврик и проворным движением, осторожным движением легла на коврик. И всё лежала так без движения. Готовая.

Теперь только, доведя свои размышления до логического конца (!), он, сперва опустившись на левое колено, присел над пылающим объектом.

Теперь его не интересовал пылающий объект. Теперь его интересовали те мысли о «принципах существования небесного орла».

«Существа высшего полёта не имеют права растрачивать благостно данный ему срок по мелочам!»

Так сказал ему великий учитель Арсеньев, генерал-лейтенант Арсеньев, кавалер всевозможных орденов и засекаченных наград Арсеньев, вернувшись после похорон Великого Вождя всех всевозможных народов, стоя посредине своего просторного кабинета, и... застрелился.

Вот почему полковник Васильев, по кличке Рауз, обязан сейчас, именно сейчас в честь памяти...

Рауз снова приподнялся и – присел. Потом, не торопясь так, перехватил пальцами-клещами тонкую, длинную, красивую шею любимой. Перехватил и... медленно, медленно так сжал стальные клещи и... потушил этот «пылающий объект».

Она же сперва попыталась мило так улыбнуться, видимо, приняв обхват его пальцев-клещей за некую шутку...

* * *

Рауз не знал, что луна действует на него, как господин на раба.

* * *

Теперь между ними началась война, как говорят русские, не на живот, а на смерть.

Абр-Али без всякого сомнения понял, чьё это «чёрное дело», но разумно решил пока молчать. «Сперва... надо с подобающими почестями «проводить» Азу в, как говорят казахи, «священное обиталище», куда «переселяются души человеческие – навечно».

Абр-Али даже в дурном сне не мог бы допустить и намёка на какую-то связь между чистой, как ангел, женой и этим неполноценным существом.

Он полагал, что Аза под утро вышла по естественной нужде во двор и чисто случайно (!) её увидел этот орангутанг.

Абр-Али твёрдо знал, что этот получеловек почти каждый день приходит в школу не позднее пяти часов утра.

Абр-Али, посоветовавшись, как говорится, «со своими рёбрами», то есть с самим собою, решил, что он будет говорить всем, кто спросит о причине столь неожиданной кончины Азы, что в последние полгода Аза всё жаловалась на резкие боли в районе сердца, и на все его предложения повезти её к знакомым врачам в районную больницу она каждый раз с улыбкой отвечала:

– Я пошутила! Хотела проверить тебя, искренно ли ты любишь меня!

Как ни странно, «проводить в последний путь» Азу приехал, можно сказать, весь район во главе с первым секретарем Компартии Казахстана! Даже авторитетные делегации из далёких районов и отдельная группа представителей областных учреждений.

И все делегации не только выражали свои соболезнования, но приезжали со своей долей материальной помощи в пухлых конвертах.

В пухлых конвертах. В денежном выражении.

Абр-Али ясно осознал, что это благодаря его же находчивости.

Ведь никто, кроме Абр-Али, не догадался назвать среднюю школу именем Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Черненко Константина Устиновича!

Никто, по крайней мере в Казахстане, кроме Абр-Али, не получал благодарственное письмо от самого (!) товарища...

Так что...

он имел законное право принять это всенародное внимание к его горю, как явление закономерное!

* * *

Сорок дней, по народному обычаю, Абр-Али появлялся в школе в чёрном костюме, белой рубашке, при красном галстуке.

Все эти сорок траурных дней Рауз, как будто он слуга, или, вернее, как будто он – купленный раб, находился в обслуживании всяких ритуальных надобностей, встречал и провожал хмурых, насупленных мужчин и женщин, приехавших или пришедших, чтобы выразить вдовцу своё соболезнование.

А этих ритуальных формальностей оказалась – уйма!

В один из таких дней Абр-Али даже засомневался в своем выводе, что Аза – случайная жертва этого полоумного.

В какой-то момент он даже хотел Раузу простить (!) его страшный грех.

Но тут же отчитал сам себя: «Ты, дурррак, Абр-Али! Врага пожалеешь – сам погибнешь!»

* * *

И, на самом деле, он чуть не погиб.

На сорок первый день он пришёл в школу в белом, очень модном костюме.

Зайдя в кабинет, он сразу нажал на звонок и велел вошедшей секретарше срочно найти и пригласить Рауза.

Рауз же нашёлся быстро. Через пять минут он уже стоял в дверях.

– Я – здесь, това...

Не досказав до конца слово «товарищ», Рауз, как будто поперхнувшись чем-то, ставшим ему поперек глотки, начал икать, испуганно глядя своими и без того большими глазами на Абр-Али.

– Это... вы... вы, что ли?

– А что? – в свою очередь удивился Абр-Али.

– В белом, белом костюме?

– А что? – повторил директор свой вопрос.

– В белом пиджаке – вы... вы... ты (!) совсем не страшен! Ты - совсем не достоин моего уважения! Оказывается!..

– Что ты... болтаешь! – разгневался Абр-Али. И неожиданно для себя изо всех сил ударил кулаком в челюсть отставного полковника.

Абр-Али в детстве и, пожалуй, в студенческие годы слыл знаменитым дворовым атаманом в Алма-Ате, знал немало боксёрских приёмов.

Но Рауз, на удивление Абр-Али, продолжал стоять, как незыблемая скала.

Абр-Али нанёс второй удар в подбородок.

Всё – зря!

Скала есть скала. Стоит, как говорят казахи, будто «о его тулуп ударились некая муха».

Абр-Али нанёс, третий в его понимании, нокаутирующий удар.

Помнит: скала всё стояла на месте...

...Зато, когда очнулся, он «нашёл» себя лежащим на полу. А в кабинете, к чести, никого не было. Инстинктивно он, разумеется, подумал о чести и авторитете директора. Избитый, не только избитый, а упавший, вернее, валяющийся на полу руководитель тут же может превратиться в посмешище всей школы.

«Честно говоря, не только - школы одной,

а – всего аула,

не только всего аула,

а – всего района,

не только всего района,

а – всей области,

не только всей области,

а – всей республики!

А ведь моё имя

сейчас гремит
вплоть до... самой...
до... Москвы!»

* * *

Абр-Али, запершись изнутри, просидел в кабинете до самого вечера. Всё – думал, всё обдумывал, всё размышлял, всё взвешивал, всё сопоставлял и принял единственное, по его мнению, решение:

«ОН – должен быть - НАКАЗАН!»

«ОН – должен отплатить за все свои злодеяния, особенно за подлую смерть

Азы,

АЗЫ, безгрешной, как ангел, его (!) АЗЫ, ценой своей подлой жизни!

Просидев в своём кабинете до наступления ночи, Абр-Али вернулся домой.

Дома он, запершись, ещё трое суток, благо, следующие трое суток совпадали с майскими праздниками, просидел и вынес окончательный и бесповоротный вердикт:

ОН, преступник, должен быть уничтожен! Притом должен быть уничтоженным своей же подлой рукой.

КАК?

На этот вопрос Абр-Али имел придуманный и продуманный до мелочей, ясный, чёткий ответ.

* * *

Придуманный и продуманный до конца, до мелочей, план-мероприятие, как принято выражаться в педагогической среде, на самом деле был безупречен.

Четвёртого мая он пришёл в школу, одетый, как «на парад». Блестящий от новизны чёрный-пречёрный костюм, белая-белая рубашка, красный-красный галстук и чёрные-пречёрные туфли.

Пришёл в школу, зашёл в кабинет и, нажав на кнопку, пригласил секретаршу.

Секретарша же эта, как все секретарши на Земном шарике, была тайно и безнадежно влюблена в своего начальника.

Она же, мгновенно вспыхнув от такого счастья, украдкой посмотрев в служебное зеркало, вошла в кабинет.

Приказ же начальника был краток и ясен:

– Васильева ко мне!

И потом:

– Ты! Как тебя там... Рауз! Сейчас же иди к себе домой и жди там нас! Мы придём через два часа! Жди! Понял?

Абр-Али твёрдо знал, что, увидев своего начальника «в т а к о м в и д е», Рауз сперва побледнеет, потом – испуганно, с преданностью служебной собаки уставится своими большими выпуклыми глазницами на «хозяина» и, отдав честь, круто повернётся и... чётким строевым шагом выйдет из кабинета.

«Надрессирован на всю жизнь!» – подумает Абр-Али и... вызвав к себе завуча Кудер-бая, пренебрежительно так скажет:

– Через два часа поедем на твоей машине в «аул» Рауза. Понятно?

Кудер-бай, разумеется, молча кивнет своей маленькой головкой и выйдет из просторного директорского кабинета. Потом Абр-Али закроет свой кабинет ключом изнутри и будет «отрабатывать детали» окончательного и бесповоротного наказания «этого».

* * *

Потом всё на самом деле прошло точно по плану. Но... только с маленькой поправкой.

Через два часа они, Абр-Али и Кудер-бай, на «москвиче» подъехали к «крепости» (это сравнение мелькнуло в голове Абр-Али) полковника в отставке.

Тут у Абр-Али на миг, только на миг (!), мелькнула мысль, что его затея глупая и, вообще, неисполнимая.

Но только на миг!

Тут же Абр-Али удалось победить самого себя. Он с особой угрозой в голосе скомандовал Кудер-баю:

– Иди! Скажи, что Я здесь! Пусть выйдет встречать МЕНЯ, как полагается! Ты ему объясни, кто я! Ясно и чётко скажи ему, что я – член Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана! Понял?

– Понял! – испуганно заморгал даже такой безбожник, как Кудер-бай.

И, проворно выйдя из машины, стараясь показаться солидным, храбрым, неторопливо так, твердо так шагая, вошёл в высокие резные двери бывшей когда-то пограничной заставы.

Войти-то вошёл, но почему-то долго, очень долго задержался там.

Абр-Али был уверен, что Рауз, его подчинённый, сейчас же выскочит из дома, чтобы достойно встретить своего начальника.

Но не тут-то было: ни Рауз, ни Кудер-бай не вышли.

Абр-Али ждал. Терпеливо ждал. «Тебе, уважаемый директор, не подобает мелочиться! – успокаивал он самого себя. – Как говорится: терпеливый охотник и на бричке догонит и поймает шустрого зайчонка!»

Абр-Али не учёл, что Рауз вовсе не зайчонок, а настоящий клыкастый арлан, то есть вожак волчьей стаи.

Минут через двадцать из дома вышел сам (!) Рауз. Один. И, даже не посмотрев в сторону машины – редкостной «штучки» в этих краях, шагая по-строевому, вошёл в свою мастерскую.

Абр-Али теперь только начал сомневаться в безупречности своего «генплана». Просидев ещё минут двадцать, Абр-Али, сильно нагибаясь, вышел из «москвича» и, неторопливо сомкнув и разомкнув окоченевшие колени, тоже, как Рауз, шагая по-строевому, вошёл в мастерскую.

Тут, в довольно просторной мастерской, Абр-Али увидел удивительную «панораму» сражения деревянных фигур.

В самом центре м а й д а н а, что на языке казахов означает «поле сражения», Рауз, обхватив деревянную фигуру деревянного Абр-Али, боролся и всё старался свалить его!

Но тот, деревянный соперник, видимо, оказался не из трусливых, и, видимо, он, деревянный, оказывал ему, своему создателю, отчаянное сопротивление!

* * *

А дальше, а дальше Абр-Али сам толком не осознавал, что он делал, что он натворил, одним словом.

Он, вплотную подойдя к Раузу, во всю мощь своего начальнического голоса заорал, в буквальном смысле заорал на своего подчиненного:

– А ну-ка, отставить всякое там кривляние! Ты – офицер погранслужбы, а не клоун какой-нибудь! Стоять смирно!

Только теперь Рауз, видимо, заметил, что перед ним стоит его же бог и судьба: Ч е л о в е к в ч ё р н о м к о с т ю м е! Как тогда, в те годы... в Москве, его непосредственный начальник и учитель... Арсеньев, стоял в чёрном.

И без того большие глаза полковника расширились до невероятных размеров и застыли, как... немытое стекло.

Абр-Али понял, Абр-Али торжествовал! «Теперь он – МОЙ! Теперь я владеец этого орангутанга! Теперь он мой, купленный по дешёвке раб. Теперь он мой крепостной палач! Теперь для него мой любой приказ – незыблемый закон! Теперь я могу, не только могу, а должен (!) воспользоваться этим моментом! Пока я (!) действую на него, как луна – на лунатика!»

Абр-Али заметил и удивился – Рауз не моргал! «Как это возможно?! Не моргать?!»

Следующим пунктом его тщательно отработанного «генплана» было освобождение «якобы незаконно плененного Кудер-бая». Ещё тогда, когда в течение трёх, почти бессонных ночей Абр-Али детально составлял свой «генплан», он знал, что внезапно явившегося в его собственные владения, на его территорию Кудер-бая Рауз тут же «арестует» и привяжет верёвкой к железным ножкам своей кровати.

Чтобы самому убедиться в правильности (даже не в правильности, а в гениальности!) своего «генплана», Абр-Али зычным голосом скомандовал:

– А ну, шагом марш передо мною!

Как и предполагал Абр-Али, Кудер-бай сидел на полу, привязанный за правую ногу коротким арканом к железной ножке кровати.

Абр-Али, как говорят казахи, «усмехнулся в душе»: «Тебе, ничтожному, так и нужно!»

Но снова зычным голосом скомандовал:

– Развяжи своего пленника!

Рауз неторопливыми, но аккуратными движениями выполнил приказ директора школы. «А как же иначе? Он ведь, худо-бедно, – директор школы!»

Испуганный, точнее, в большей степени – оскорблённый таким грубым обращением, Кудер-бай, первый заместитель директора (!), заметно трясаясь и икая, встал на свои слабенькие ножки.

«Худо-бедно, я же, всё же, первый заместитель самого (!) директора!» – говорил весь его взъерошенный вид.

В этот момент последовал ещё один, совершенно неожиданный приказ:

– Гражданин Васильев! Захвати с собой именную пистолет, который ты обычно кладешь под подушку!

Гражданин же Васильев, всё ещё двигаясь медленно, нагнулся над железной кроватью... и, аккуратненько так, достал из-под подушки свой именную пистолет.

Потом о чём-то задумался.

За эти несколько секунд Абр-Али всё же успел насторожиться!.. «Не надумал ли этот полоумный чего-то страшного?»

Тем временем гражданин Васильев, глядя с особой нежностью на холодное оружие, лежащее на его ладони, как на некую дорогую игрушку его детских лет, положил эту дорогую «игрушку» в правый карман своих «спец.брюк».

Абр-Али же, сам не осознавая, почему, негромко облегчённо вздохнул. «Всё же человек – не чугунный станок», – успел оправдаться он сам перед собою.

Тем временем гражданин Васильев, выйдя из дома, остановился, как будто он что-то забыл, что-то очень важное, и начал шарить в многочисленных карманах своих спец.брюк.

Абр-Али же обогнал его, прошёл по просторной площади бывшей пограничной заставы и первым вошёл в «мастерскую» Рауза.

Тем временем гражданин Васильев, видимо, явно чувствуя приближение некоего опасного, судьбоносного момента, неожиданно начал некий непонятный «обход» своих, сработанных из крепких тарбагатайских елей скульптур. Подойдет к каждому, что-то шепнет «в ухо», погладит по спине, отойдёт к следующему.

Подойдёт к следующему, обнимет свое создание, приложит свой лоб ко лбу своего, видимо, «давнего» друга и отойдет, чтобы подойти к следующему... .

Абр-Али же быстро понял, что Рауз начал прощаться со своими дорогими сердцу друзьями, и великодушно решил всё же п о з в о л и т ь ему этот священный обряд. «Пусть будет так!»

А гражданин Васильев, окончательно признав право вышестоящего начальства решать судьбу подчинённого, как его учили всю жизнь, и привыкнув на каждом шагу выполнять приказы вышестоящего, и сейчас, в этот роковой миг, решил героически, как полагается советскому офицеру, выполнить свой священный долг.

Тут, вдруг вспомнив, что при таком священном ритуале должен присутствовать с в и д е т е л ь, Абр-Али, хозяин положения, повернулся и крикнул:

– Где ты, как тебя там, Кудер-бай?

Кудер-бай сидел, превратившись в комок, спиной к высокой стене, как называют местные казахи, «казённого дома». И, как показалось Абр-Али, заметно икая, плакал. Эта картина так разозлила директора, что он, помимо своей воли, во весь голос крикнул:

– Имей совесть, как тебя там... Кудер-бай! Быстро ко мне!

Странно ковыляя, Кудер-бай приблизился к грозному директору.

– Абр-еке⁵, Абр-еке, – бормотал он сквозь зубы, – я – здесь, я – здесь... я – тут!

– Тут!... – передразнил Абр-Али своего трусливого заместителя и продолжил свою «торжественную» речь. – Ты, к сожалению, единственный свидетель того, что сейчас произойдёт.

⁵Е к е – льстивое обращение к старшему по возрасту или же к высокому начальнику. А. Т.

А произошло нечто невероятное. Гражданин Васильев со странной саркастической улыбкой...

Кстати, Абр-Али успел заметить, что улыбка эта страшно исказила и без того страшное, вытянутое вниз лошадиное лицо гражданина Васильева.

Итак, гражданин Васильев со странной саркастической улыбкой приблизился к Абр-Али и каким-то издевательским тоном, сквозь крупные белые-белые зубы процедил:

– Я знаю, ты хочешь убить меня! Ты хочешь отомстить мне за Азу. За красавицу Азу. Аза была человек. А ты – осёл, который только умеет орать! Мне было жалко оставить её при таком а н г и⁶, как ты! Понимай, как хочешь!.. А теперь смотри!

А теперь смотрел на всё «э т о» Кудер-бай!

«Э Т О» случилось так. Сказав какие-то странные слова, которых, правда, не понял Кудер-бай, поэтому тут же забыл (!), непонятный, поэтому ненавистный ему, Кудер-баю, странный человек с русской фамилией Васильев, с казахским именем Асыл-бек, которого все почему-то называли Раузом, двигаясь так медленно-медленно, вынул из кармана брюк пистолет, сунул его в свой рот и так глупо... выстрелил.

* * *

Эти слова ещё не раз повторит Кудер-бай при допросе в районной прокуратуре.

Подобные же слова ещё не раз повторит и Абр-Али, который полагал, что он, Абр-Али, всё продумал до мельчайших деталей и спокойно так может осуществить задуманное, чётко запланированное.

Ан нет! И у него получилась, как говорится, «осечка»: через месяц скончался Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Черненко Константин Устинович, его, Абр-Али, незыблемая «ставка».

И в Стране Советов, в том числе в Казахстане, появилась новая когорта ловких, «дальновидных» дельцов от партийно-комсомольского актива, и они, естественно, вытеснили с политической сцены всегда жаждущих. Всегда жаждущих.

Так закончилась эта страшная по сути, глупая по исполнению история.

Если вообще закончилась.

10. 08. 2014 года

Перевод с казахского автора

⁶Анги - осёл-жеребец. А. Т.

